

В КАШГАРИИ
IN KASHGHARIA

И ПРЕДТИБЕТЬЕ
AND THE TIBETAN FOOTHILLS

В КАШГАРИИ И ПРЕДТИБЕТЬЕ
IN KASHGHARIA AND THE TIBETAN FOOTHILLS

Об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока. В этом отношении истории Средней Азии и особенно Восточного Туркестана имеют громадное значение.

С. Ф. Ольденбург¹

Вечная грязь на теле, часто дурная вода для питья, пронизывающий до костей холод, палящий зной, разреженный воздух громадных высот, зимою дым в юрте, иногда невыносимый для глаз блеск снега, ежедневная усталость, нередко до утомления, и пр. и пр. Зато вольная жизнь и дело по душе, постоянный моцион, чистый воздух, крепкий сон, отсутствие мелких тревог и фальши обыденной жизни, восторженная радость успеха и т. п. оказываются более полезными факторами относительно здоровья путешественника и прочно закаляют его силы.

Н. М. Пржевальский²

— Если хочешь знать, не в золоте самое дело, а в поисках его. Опять поедem с тобой налегке, новые места увидим, людей посмотрим и поищем.

В. А. Обручев³

Я хорошо помню, как в июньский полдень сорок лет назад я очень довольный вышел из прохладного зала нашей районной библиотеки. В руках у меня была потертая книга с древней буддистской ступой, изображенной на серой обложке. Я выстоял трехмесячную очередь и на десять дней получил книгу, о которой мечтал. Для чтения у меня тогда было приспособлено специальное и замечательное место — теплая крыша гаража с невысоким выступом, полностью скрывавшим меня от взглядов с улицы. Именно здесь я прочитал «Землю Санникова» и «Плутонию». Теперь настал черед еще одной книги того же автора, на этот раз — о путешествиях по таинственному Китайскому Туркестану, о раскопках и поисках сокровищ в развалинах древних городов. Выдающийся геолог академик Владимир Обручев еще в 1892—1894 гг. принял участие в одной из экспедиций, направленных в этот район. Удивительным образом он сочетал фантастически производительный научный труд с умением писать такие увлекательные книги. Исчезли крыша гаража и шум трамвая. Я смеялся над непутевым профессором-иностранцем, меткими выстрелами отгонял от стоянки стаю волков, вместе с караваном шел вдоль кромки пустыни Такла-Макан...

2

Это может показаться удивительным, но дело в том, что торговый караван совершает свои переходы главным образом ночью, так как короткие осенние и зимние дни почти полностью заняты пастьбой верблюдов. Выступает караван вскоре после заката и идет всю ночь почти до рассвета; днем каравановожатые спят, готовят себе пищу, а верблюды после отдыха пасутся. Ночью в поисках корма они бы разбрелись далеко по степи, могли бы подвергнуться нападению волков или конокрадов, тогда как днем они всегда на виду и их можно быстро собрать для выючки⁴.

***

На протяжении почти всего XIX в. на огромных просторах Европы и Азии, от Кавказских гор до Китайского Туркестана и от пустынь и оазисов Средней

One will be able to speak about the history of humankind only when the history of the East takes its rightful place there. In this respect the history of Central Asia and especially of Eastern Turkestan is of great importance.

Sergey Oldenburg¹

Always dirty body, oftentimes bad drinking water, cold chilling the marrow, scorching heat, rarefied air of the enormous heights, smoke in the yurts, at times intolerable for one's eyes glitter of snow, everyday fatigue not infrequently leading to exhaustion and so on and so forth. But then again free life and the work that I love, steady motion, sound sleep, the lack of anxiety over trifles, the rapturous joy of success, etc. turn out to be more helpful factors for a traveller's health; in fact these factors steel his vigour.

Nikolay Przhevalsky²

— If you want to know, it's not about gold in itself, but in looking for it. We are going to travel light, see new places, observe people and look around.

Vladimir Obruchev³

I remember well when I exited a cool hall of our district library on a June afternoon forty years ago. In my hands I held a worn book with a Buddhist stupa on the grey cover. I waited for three months to get this book. And for ten days this dream of mine was in my possession. I had a special nice place prepared for my reading time — a warm garage roof with a small ledge, which completely hid me from people outside. It was here that I read "Sannikov Land" and "Plutonia". It was time to plunge into another book of the same author. This time it was a book about journeys in Chinese Turkestan, about archaeological digging and treasure hunting on the ruins of an ancient city. Back in 1892—1894 a prominent Russian geologist, a member of the Academy Vladimir Obruchev, participated in one of the Russian expeditions in this region. He could remarkably combine productive scientific works with the ability to write captivating books. Garage roof and tram noise disappeared. I would laugh at the ne'er-do-well foreign professor, chase away a pack of wolves from "our" camp, and walk along the edge of Takla-Makan Desert with the caravan...

It may seem very strange, but the truth is that a caravan moves mostly under the cover of night, since fall and winter days are almost completely occupied with camel

Караванъ. Рядомъ - Бекъ - Ханъ.

3

pasturage. The caravan sets out soon after sunset and goes forward almost until the break of dawn. During the day caravan guides sleep, prepare meals for themselves, while camels graze after rest. During the night they would wander far into the steppe looking for good pasture and could fall prey to wolves or horse thieves. During the day, though, they are always in sight and can be easily gathered for packing⁴.

***

All through the 19th century, on the great chessboard of Europe and Asia stretching from the snow-capped Caucasus to Chinese Turkestan and from the dreaded deserts and dusty oases of Central Asia to Tibet, an endless battle was fought between Russia and Great Britain. This 19th century "cold war" often became hot and bloody and many of those involved in it, young military officers and diplomats, ex-

4

Азии до Тибета, между Россией и Великобританией шла нескончаемая «холодная война». Люди, связанные с ней с обеих сторон, молодые офицеры и дипломаты, разведчики и торговые представители часто вынуждены были жертвовать в ней самым ценным своим достоянием, жизнью. Тридцатипятилетний капитан Артур Конолли, обезглавленный в Бухаре по приказу эмира, назвал эту борьбу двух гигантов «The Great Game» — «Большая игра». Позднее эти слова обессмертил Редьярд Киплинг.

Один из последних актов «Большой игры» был сыгран на рубеже XIX—XX вв. в стране, известной под несколькими названиями: Кашгария, Восточный Тур-

кестан, Китайский Туркестан. В китайских источниках эта земля называется Западный край, сегодня это Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (по площади — одна шестая часть страны), по которому проходит имеющая огромное стратегическое значение Каракорумская трасса (1200 км), построенная в 1982 г. и связывающая Кашгар с пакистанским Равалпинди. На этой земле в древности и средневековье возникали и исчезали громадные государства, оставившие после себя богатейшее культурное наследие.

После 1864 г. Россия обрела официальную границу с Китаем по всей линии соприкосновения двух империй. Вскоре после этого в Кашгарии власть захватил амбициозный мусульманский правитель Йакуб-бек (рис. 3), обратившийся за военной помощью к Англии и Турции и попытавшийся сыграть на англо-русских противоречиях. В результате у границ России возникла обширная зона, негативно влиявшая на внутреннюю обстановку в российской Средней Азии⁵.

Для человека, получившего образование в России, синонимом слова «путешественник» является имя офицера Генерального штаба Н. М. Пржевальского (1839—1888). Для своих современников он был тем же, кем стал Юрий Гагарин для советских мальчишек, и именно Пржевальскому как выдающемуся первопроходцу был поставлен памятник в центре имперской столицы. В то же время наши современники практически забыли о стране, с изучением которой связана слава Пржевальского. Если спросить сегодня об этом человека на улице, в лучшем случае скажут, что Пржевальский путешествовал «в Азии, где-то рядом с Тибетом» (рис. 2, 4).

Между тем, его основные открытия связаны именно с Китайским Туркестаном. Англо-русское соперничество вокруг этой территории было не менее острым, чем советско-американская борьба за освоение космоса. *Vis-a-vis* Н. М. Пржевальского Х. Дейзи, капитан 16-го полка королевских улан британской колониальной армии в Индии, в конце XIX в. совершивший многолетнее путешествие по Тибету и Китайскому Туркестану, был за свои заслуги удостоен высшей награды Лондонского королевского географического общества — Золотой медали. Двухлетнее (1885—1887) путешествие англичан А. Д. Кэрри и А. Даглиша через высокогорные плато Тибета и Куньлуня, болотистые берега озера Лобнор, пески пустыни Такла-Макан и отроги Тянь-Шанских гор по своему размаху и результативности, несомненно, может быть поставлено рядом с путешествиями Пржевальского. Соперничество Англии и России в Китайском Туркестане дало феноменальные научные результаты, и это — замечательная тема для пока никем не написанной книги⁶ (рис. 7).

Русские дипломаты и офицеры⁷, которые были направлены с разведывательными миссиями в этот район, — а в их числе были, например, будущий главный оппонент большевиков генерал Л. Г. Корнилов, полковник Главного штаба, будущий Президент Финляндии барон К. Г. Э. Маннергейм, будущий во-

plorers and traders, sacrificed their lives. One of those adventurers, Arthur Conolly, a 35 year old British captain eventually beheaded by the Emir of Bukhara, coined the phrase “the Great Game”, a phrase immortalized by Kipling many years later.

One of the last rounds in the “Great Game” was played at the turn of the 19th century in the country that has been known by several names: Kashgharia, Eastern Turkestan, Chinese Turkestan... In Chinese sources, this land is called the Eastern region and today it is known as the Xinjiang-Uyghur autonomous region of the People’s Republic of China. This region is crossed by the strategically extremely important Karakoram Highway (1200 km), constructed in 1982 to connect Kashghar with Pakistani Rawalpindi. In ancient times and the Middle Ages, this region witnessed the birth and collapse of great civilizations that left rich cultural heritage.

After 1864, an official border was established along the contact line between Russia and China. Soon an ambitious Muslim ruler, Yaqub Beg (fig. 3), seized power in Kashgharia. Yaqub Beg turned to England and Turkey for military aid and he played on the Russian-English rivalry. As a result, along the Russian border there emerged an expanded area of conflict which negatively affected the domestic environment in Russian Central Asia⁵.

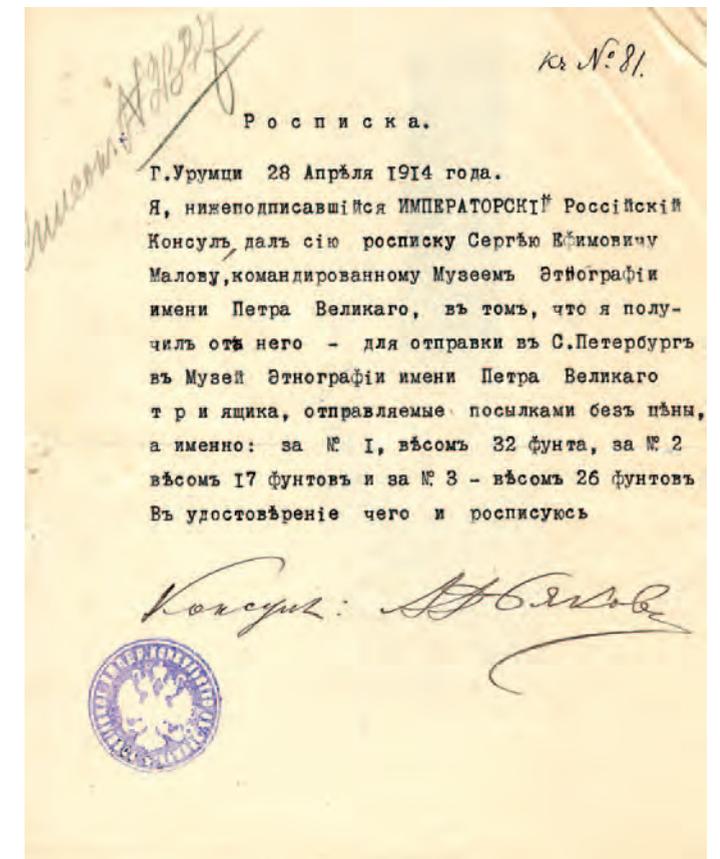
For people who received their education in Russia, the word “traveller” is synonymous with the name of General Staff officer Nikolay Przhevalsky (1839—1888). The attitude of his contemporaries towards Przhevalsky was similar to that of Soviet boys towards Gagarin. A monument to Przhevalsky was erected in the very centre of the imperial capital. Today, however, the country that glorified this outstanding explorer is largely forgotten. When asked, people vaguely recall that Przhevalsky travelled “in Asia, somewhere near Tibet” (figs. 2, 4).

Przhevalsky’s main discoveries occurred in Chinese Turkestan. The English-Russian rivalry over the region was as fierce as the later Russian-American race to conquer space and, like the space race, competition between Russia and Great Britain in Chinese Turkestan resulted in extremely valuable scientific research, which would be a fantastic topic for a yet to be written book. On the British side, Henry Deasy, captain of the 16th division of the Queen’s Lancers in India, won the Royal Geographical Society Gold Medal for his achievements during his long travels in Tibet and Chinese Turkestan at the end of the 19th century. In scope and effectiveness, Przhevalsky’s travels can be compared to the two-year journey of Arthur Carey and Andrew Dalgleish (1885—1887) across the highland plateaus of Tibet and Kunlun, along the marshy shores of lake Lobnor, through the sands of the Takla-Makan desert, and over the spurs of the Tian Shan. The rivalry of England and Russia in Chinese Turkestan has produced exceptional scientific results. And this in itself is a remarkable theme for a monograph that has not yet been written by anyone⁶ (fig. 7).

Russian diplomats and officers⁷ who visited the region during reconnaissance missions, including General Lavr Kornilov, who later led the Bolshevik opposition,

General Staff Colonel Baron Carl Gustav Mannerheim, who later became the President of Finland, and Alexey Kuropatkin, who became the Russian Minister of War, contributed significant works devoted to Chinese Turkestan⁸. Apart from data on the local military infrastructure and transportation networks, they brought to Saint-Petersburg very valuable archaeological and ethnographical collections, medieval manuscripts, and documents. Professional scientists — geographers, historians, Orientalists, ethnographers, zoologists, linguists — were sent to that region as well. Those expeditions were mainly initiated by Vasilij Radloff and Sergey Oldenburg of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). Materials gathered through these expeditions laid the ground work for remarkable scientific works that for many years gave Russian scientists the lead in studying Chinese Turkestan. The most valuable collections were given to the Kunstkamera Museum by Sergey Oldenburg, Nikolay Przhevalsky, Vsevolod Roborovsky, and Sergey Malov (fig. 5). It was in Kunstkamera that Russian officer Carl Gustav Mannerheim (fig. 6) prepared for his famous expedition. Sergey Malov’s work in Chinese Turkestan was contin-

5

6

енный министр А. Н. Куропаткин — оставили нам не только солидные труды, посвященные Китайскому Туркестану⁸. Помимо сведений о местной военной организации и транспортных путях, они доставили в Петербург ценнейшие археологические и этнографические коллекции, собрания средневековых рукописей и документов. Россия направляла в регион и профессиональных ученых — географов, историков, востоковедов, этнографов, зоологов, лингвистов. Инициатива в организации научных экспедиций исходила в первую очередь от Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры), от В. В. Радлова и С. Ф. Ольденбурга. Доставленные материалы стали основой выдающихся научных трудов, надолго обеспечивших приоритет российской науки в изучении Китайского Туркестана. Ценнейшие коллекции были переданы в МАЭ С. Ф. Ольденбургом, Н. М. Пржевальским, В. И. Роборовским, С. Ф. Маловым (рис. 5). Именно в Кунсткамере готовился к своей знаменитой экспедиции русский офицер Карл Густав Маннергейм (рис. 6). Позднее, уже на рубеже 1940-х и 1950-х гг. работу С. Ф. Малова в Китайском Туркестане продолжил его ученик — выдающийся отечественный тюрколог Э. Р. Тенишев.

Русские успехи в исследовании Китайского Туркестана по достоинству оценила мировая научная общественность. В 1902 г. на XIII Международном конгрессе ориенталистов была образована Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, главным органом которой стал Рус-

ский комитет (1903—1923) во главе с директором Кунсткамеры академиком В. В. Радловым и выдающимся буддологом С. Ф. Ольденбургом (рис. 8). Последний возглавлял в Кунсткамере Отдел древностей Русского и Китайского Туркестана. Экспедиции и труды Русского комитета, объединявшие научный энтузиазм с серьезной государственной поддержкой, оказались во многом этапными, не только для российской, но и для мировой науки.

Научная обработка привезенных материалов была в основном закончена только к концу XX в⁹. Знаковой здесь стала организованная в 2008—2009 гг. Государственным Эрмитажем и Институтом восточных рукописей прекрасная выставка «Пещеры Тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути»¹⁰. Коллекция произведений искусства, составившая основу выставки, поступила в Эрмитаж в 1930-е годы, в первую очередь из Кунсткамеры. Сводная библиография русскоязычных работ, связанных с Китайским Туркестаном, составила бы многостраничный том. Это, однако, не означает, что к сегодняшнему дню не осталось интересных и неисследованных тем, связанных с регионом. Так, сенсационные находки и открытия в области индоевропейского языкознания, тюркологии и буддологии отодвинули в тень исламоведческие исследования. В частности, самого пристального внимания заслуживает проблема исламо-буддийского культурного и межрелигиозного взаимодействия.

ued in the 1940s and 1950s by his disciple Edham Tenishev, an outstanding Russian specialist in Turkic studies.

The success of Russian explorations in Chinese Turkestan was highly appreciated in the scientific world. At the 13th International congress of Orientalists in 1902, the International Association for Central and Eastern Asia studies was formed. The main body of work was carried out by the Russian Committee (1903—1923) headed by Kunstkamera Director Academician Vasily Radloff and prominent Buddhologist Sergey Oldenburg (fig. 8). Oldenburg was head of the Kunstkamera special department on Chinese Turkestan antiquities. In many instances, the expeditions and works of the Russian Committee, which welded scientific enthusiasm with considerable governmental support, became milestones not only for Russian scientists, but also for the world of social science in general.

Scientific processing of the materials was mostly completed by the end of the 20th century⁹. The wonderful exhibition, “The Caves of a Thousand Buddhas: Russian Expeditions along the Silk Road”¹⁰, organized in 2008—2009 by the Hermitage and the Institute of Oriental Manuscripts, was representative of this culmination. The core collection of artistic works displayed in the exhibition arrived at the Hermitage in 1930s mainly from Kunstkamera.

7

A comprehensive bibliography of Russian-language works on Chinese Turkestan would require a thick volume. Yet, despite the massive amount of work that has been accomplished, the topics to be investigated in relation to the Chinese Turkestan region are by no means exhausted. For example, the sensational findings and discoveries in Indo-European linguistics, Turkic studies, and Buddhology overshadowed the Islamic studies that demand further attention. In particular, the problem of Islamic-Buddhist cultural and interreligious interaction warrants meticulous study.

8

ЭКСПЕДИЦИЯ THE EXPEDITION

9

Занимались с Эмином Турсуном древними памятниками. Интересная картина: татарин, обучающий уйгура его древнему языку в местах обитания древних уйгуров, по книге, написанной русским.

Э. Р. Тенишев¹¹

Как уже упоминалось, в августе 2008 г. в соответствии с договором о научном сотрудничестве между МАЭ РАН и Институтом этнологии и антропологии Академии общественных наук КНР на территории провинции Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проходила работа историко-этнографической экспедиции «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)» (рис. 9). За двенадцать дней полевой работы экспедиция совершила семь авиаперелетов и прошла около полутора тысяч километров на наземном транспорте. Наша группа посетила ряд важнейших центров, расположенных на китайской части Великого Шелкового пути. Ее целью был сбор материалов для научного обеспечения монографической публикации коллекций МАЭ, доставленных из Синьцзяна и Цинхая. Это собрание — одно из крупнейших в мире. Оно представляет культурное и этническое многообразие Китайского Туркестана, историю его изучения в России¹². Не менее важными задачами экспедиции были приобретение новых коллекций, установление партнерских отношений с коллегами из профильных научных центров: ведь на протяжении последних десятилетий ученые КНР сделали очень много для изучения истории и культуры народов Китайского Туркестана¹³ и сохранения их культурного наследия. И, конечно же, в рамках проекта «Иджма' = Согласие» велся интенсивный сбор материалов по истории и современному положению ислама в Китайском Туркестане и провинции Цинхай.

Накануне отъезда я позвонил старейшему сотруднику нашего музея тяжело больному Александру Михайловичу Решетову (1932—2009), автору большой серии исследовательских работ, посвященных этнографии народов Китайского Туркестана, и подробно рассказал ему о наших планах.

— Ну что ж, Вы едете прямо по маршруту Эдхяма Рахимовича Тенишева, — услышал я в телефонной трубке.

— Похоже, что так, — ответил я. — Как вернусь, отправлюсь в архив читать его научный отчет.

— Так он же издан! Боюсь, правда, что в нашей библиотеке книги еще нет. Если так, приезжайте ко мне.

Я бросился в музейную библиотеку. Книга¹⁴ оказалась на месте, и дальше начались удивительные совпадения. Совпадал по большей части не только маршрут, но и серия сентябрьских дат, когда мы и Тенишев проезжали то или иное место.

Together with Emin Tursun we were studying ancient monuments. Quite an interesting picture — a Tatar teaching an Uyghur his ancient language in the habitat of ancient Uyghurs, and the teaching is based on a book written by a Russian.

Edham Tenishev¹¹

As was mentioned above in september of 2008 in accordance with the agreement of a scientific partnership between the MAE RAS and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Social Sciences of the PRC, certain activity of historical ethnographic expedition “Muslims of Chinese Turkestan (Uyghurs of Xinjiang, Salars of Qinghai)” (fig. 9) took place on the territory of Qinghai province and Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of PRC. During the twelve days of field work the expedition made seven air flights and covered about fifteen hundred kilometres using overland means of transportation. Our expedition visited a series of the most important centres along the Chinese part of the Great Silk Road. Its goal had to do with gathering all the material needed for the scientific supply of monographic publication of the MAE RAS collections, which were brought from Xinjiang and Qinghai. This collection is one of the largest in the world. It offers cultural and ethnical diversity of Chinese Turkestan and the history of its study in Russia¹². Acquiring new collections, establishing partnerships with colleagues from profile scientific centres were not any less important. After all, throughout the last decades the scholars from the PRC contributed a great deal to the study of history and culture of the Chinese Turkestan peoples and their cultural legacy. And, of course, data concerning the history and present-day state of Islam in Chinese Turkestan and Qinghai province was being intensively collected within the framework of the expedition as well.

On the eve of our departure I telephoned our oldest museum scholar, Alexander Mikhaylovich Reshetov (1932—2009), who was gravely ill. He was known for his research works dedicated to ethnography of Chinese Turkestan peoples¹³. I told him of our route and plans at great length.

— Well, you're going according to the route of Edham Rahimovich Tenishev, — I heard him say through the telephone.

— Looks like it, — I answered. — When I get back, I'll go check the archives and read his report.

— His report has been published! I'm afraid, though, that our library won't have his book yet. If that's the case, drop by my place.

I rushed to the museum's library. The book¹⁴ was there, and from then on there were incredible coincidences. Not only the routes concurred, but so did our September dates, when both Tenishev and we went through this place or that.

Edham Rahimovich Tenishev (1921—2004) was one of the most prominent specialists in the field of Turkic linguistic in Russia and, perhaps, in the whole world,

Крупнейший в России и, возможно, в мире специалист в области тюркского языкознания, член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Тюркология» Эдхам Рахимович Тенишев (1921—2004) принадлежал к знаменитому татарскому княжескому роду. В 1956 г. молодой ученый был командирован в Китай, им были совершены три экспедиции по Китайскому Туркестану и Предтибету, которые позволили собрать уникальный лингвистический и этнографический материал. Тогда же были опубликованы две монографии на китайском языке. Русский ученый оставил по себе добрую память. Его имя сегодня знают и помнят в Синьцзяне и Цинхае. Томик с воспоминаниями Тенишева сопровождал нас в поездке: накануне прибытия в тот или иной пункт мы обычно перечитывали соответствующие фрагменты текста.

***

«Группа туристов-европейцев заморожено смотрела на гигантскую карту Ордуси, выполненную из уральских самоцветов. Луч закатного солнца, направленный незаметным зеркалом, закрепленным на шпилье крепостного собора, высветил громадные рубины, обозначавшие три столицы великого государства, объевшего четвертую часть суши. Согласно замыслу уральских мастеров красные лучи от Ханбалыка на востоке и Каракорума в центре соединились между собой и на дальнем северо-западе, в Александрии Невской. Пожилая итальянка охнула, и туристы защелкали фотоаппаратами, предвкушая рассказы о восьмом чуде света. Светловолосая девушка-экскурсовод усердно повторяла накрепко заученные фразы: “Как вы, конечно, помните, история нашей страны началась в шестидесятые годы XIII века, когда Александр Невский и его побратим, сын Батыя, Сартак, вступивший после смерти отца на престол Золотой Орды, договорились о партнерском объединении Орды и Руси в единое государство. Позже к процветающей державе присоединилась Поднебесная...”», — гласит неопубликованный апокриф, авторство которого приписывают знаменитому еврокитайскому гуманисту Хольму ван Зайчику. Под этим именем в России с 2000 по 2005 годы Игорь Алимов и Вячеслав Рыбаков издали семь романов в жанре альтернативной истории. Образ могущественной и процветающей, самодостаточной и *сообразной* Ордуси, где в мире и согласии живут представители разных наций и религий, где развитие основано не на отрицании традиции, а на ее воплощении, где граждане искренне гордятся своей страной, производящей, в том числе, и лучшие в мире ноутбуки «Золотой Керулен» и спортивные кабриолеты самого высокого класса, согревал и согревает душу тысячам и тысячам читателей, еще недавно живших в великой империи. Сегодня многими (и хвалителями, и хулителями) Ордусь воспринимается как мечта о Советском Союзе, развитие которого было прервано насильственным образом.

Среди участников нашей экспедиции был и один из соавторов Ордуси, прекрасный китаист Игорь Алимов. Китайский Туркестан и Предтибет явля-

ют сегодня множество ордусских черт: это и видимое невооруженным глазом мирное соседство-взаимодействие ислама с буддизмом, и скоростные авто-страды с тысячами самых современных автомобилей, и затейливые небоскребы городов-миллионеров, и самые современные технологии, и сотни почти домашних рестораников — китайских и уйгурских, где за вкуснейшей едой можно испить 56-градусной «Росы пяти круп», или, при аллергии на пахучую эрготу, — бутылочку-другую холодного «Циндао», — вкусного пива, производимого в одноименном городе на берегу Желтого моря, некогда немецкой колонии. Естественным образом, видимая нами реальность накладывалась на образ Ордуси.

В организационном отношении судьба экспедиции с самого начала складывалась непросто. Внешним фоном стала подготовка к Пекинской олимпиаде, которую традиционно сопровождали попытки дестабилизации ситуации в стране проведения (мы пережили это в 1980 г. и скоро будем переживать вновь). Обстановка в Синьцзяне и Тибете постепенно накалялась. В июле и августе группы боевиков, которые власти и большинство наблюдателей связывают с действующим в эмиграции «Исламским движением Восточного Туркестана», осуществили серию взрывов в общественном транспорте в разных населенных пунктах страны и совершили нападения на полицейские участки в городах Кашгар и Куга. Мы обратились за официальным содействием к профильному китайскому научному институту. Разговор в Пекине, в целом, прошел успешно. Мы выросли в СССР и четко представляли себе как возможные опасения наших собеседников, так и этапы согласований, которые наше предложение должно было пройти. Коллеги нам открыто пошли навстречу, хотя было вполне очевидно, что все это связано для них с большой, неожиданной и мало оправданной «головной болью». В частности, по предлагавшемуся нами пути экспедиции была предварительно послана группа, благодаря работе которой маршрут, за одним небольшим исключением был принят китайской стороной. Нам была обещана и встреча с молодым и популярным *имамом* соборной мечети в саларском Сюньхуа.

Прочие трудности носили уже чисто технический характер. В сентябре 2008 г. изменились прежде весьма либеральные требования консульских отделов посольства КНР. В частности, потребовался оригинал приглашения от организации, аккредитованной при МИД КНР или Торгово-промышленной палате, бронирование авиабилетов и отелей по маршруту. Высланное прежде партнерским институтом приглашение уже не годилось, а китайские предприниматели немедленно подняли цену за услуги по бронированию. Зато навстречу пошли Южнокитайские авиалинии, продавшие нам билеты по всему маршруту с максимально возможными скидками. Наконец, в пекинском аэропорту, куда из Лондона прилетел наш оператор Юрий Крылов, официального письма из Академии общественных наук КНР оказалось недостаточно для пропус-

and also a corresponding member of Academy of Sciences of USSR, and editor-in-chief of “Turkology” journal. In 1956 the young scholar who belonged to the ancient princely Tatar kin was sent to the PRC in order to aid Chinese colleagues in the field of describing unstudied Turkic languages. During those years he made three expeditions along Chinese Turkestan and the Tibetan foothills. Those expeditions helped him collect unique linguistic and ethnographic material. Back then two monographs in the Chinese language were readied for printing. The Russian scholar earned a good name for himself. His name is well thought of and remembered even today in Xinjiang and Qinghai. Memories of Tenshev were following us on our journey. The day before arriving to one place or another I would read fragments of his works to the expedition members.

***

“A group of European tourists were enchanted looking at the map of Ordus, which was made of Ural gems. A beam of a setting sun directed with an invisible mirror, which was fastened at the steeple of a fortress temple, highlighted enormous rubies, which designated three capitals of a great kingdom, occupying one fourth of dry land. According to the design of Ural craftsmen red lights from Hanbalyk in the east and Karakorum in the centre join with those of Alexandria Nevsky in the north-west. An elderly Italian lady sighed and tourists started clicking with their photo cameras anticipating stories of the eight world wonder. The tour guide, a light-haired girl, diligently repeated firmly memorized phrases. ‘As you undoubtedly remember the history of our country started back in the 60s of the 13th century, when Alexander Nevsky and his blood brother Batu’s son Sartaq, who assumed the throne of the Golden Horde after his father’s death, agreed upon a partnership unification of the Horde and Russia into one kingdom. Later Sinosphere joined the prosperous power...’ This is taken from the unpublished apocrypha, the authorship to which is attributed to the prominent Eurochinese humanist Holm van Zaychik. Under this name in the years 2000—2005 Igor Alimov and Vyacheslav Rybakov published seven novels in the genre of alternative history. The image of powerful and prosperous, self-sufficient and consistent Ordus — where representatives of various nations and religions live in peace and harmony; where development does not depend on rejection of one’s traditions, but on its realization; where its citizens are sincerely proud of their country, which produces, among other things, the best laptops in the world “Golden Kerulen” and first-rate cabriolets — has inspired thousands and thousands of readers, who only recently had lived in a great empire. Today Ordus is taken by many (both those who praise and those who revile it) as a dream for the Soviet Union, development of which was forcibly interrupted.

One of the co-authors of Ordus, the fine sinologist Igor Alimov was among members of our expedition. Chinese Turkestan and the Tibetan foothills play a lot of Ordus features today — among which peaceful coexistence and interaction of Islam and

Buddhism that is visible to a naked eye, high-speed highways with thousands modern cars, intricate skyscrapers of a million-plus-city, the most up-to-date technologies, and hundreds of almost homelike restaurants — either Chinese or Uyghur — where along with the delicate food one can drink the 56-degree “Dew of Five Cereals”, or if allergic to fragrant erguotou couple of bottles of cold “Qingdao”, tasty beer, produced on the shore of Yellow Lake in the city by the same name, formerly a German colony. Naturally the reality that we saw was imposed upon the image of Ordus.

In organizational respects the fate of this expedition did not work out easily. Preparation for the Olympic Games in Beijing served as its exterior background. The Olympics are traditionally accompanied by attempts at destabilizing the situation in the host country (we experienced the same in 1980 and are soon going to experience it again). The situation in Xinjiang and Tibet continually grew hotter. In July and August groups of gunmen, which the authorities and majority of observers connect with “the Islamic Movement in Eastern Turkestan” active in emigration, carried out a series of explosions in public transportation and various settlements of the country and also attacked police departments in the towns of Kashghar and Kuga. We asked profile Chinese Scientific Institute for official assistance. In general, conversation in Beijing went well. We grew up in the USSR and could well picture possible fears of our interlocutors as well as stages of our agreement, which our offer should pass. Our colleagues openly went to meet us halfway, although it was quite obvious that for them it would mean great, sudden and not quite justified “headache”. In particular a group was sent along the route that we suggested for our expedition. Thanks to this group’s work our route, with one small exception, was accepted by Chinese side and we were promised a meeting with a young and popular *imam* of the Friday mosque in Xunhua Salar Autonomous County.

The difficulties had to do with the purely technical side of things: in September of 2008 the quite liberal requirements of consular department of the PRC Embassy have changed. In particular they now required the original of our invitation from the organization accredited by the Ministry of Foreign Affairs of the PRC or the Chamber of Trade, and the reservation of air tickets and hotels along the route. The invitation that had been sent before by the institute we partnered with did not suit them anymore, and Chinese businessmen raised prices for the reservation services. But at the same time China Southern Airlines favoured us by selling tickets at the cheapest prices possible. And finally the official letter from the Academy of Social Sciences of the PRC was totally insufficient to bring through Beijing Airport customs the professional video camera of our operator Yuriy Krylov, who came from London. That story cost us services of a Chinese legal agent, which amounted to one thousand dollars, and it cost our Chinese partners for depositing a pledge of forty thousand yuans for the camera that was given back to us by the customs.

Unlike other European capitals, Moscow has a direct flight to the administrative centre of Xinjiang, the city of Urumqi. The geographic location of Urumqi

12

ка таможней профессиональной видеокамеры. Эта история стоила нам тысячу долларов за услуги китайского юридического посредника, а нашим китайским партнерам — 40 тыс. юаней залога за выданную таможенную камеру.

В отличие от европейских столиц из Москвы в административный центр Синьцзяна г. Урумчи можно попасть прямым рейсом. Географическое положение Урумчи зафиксировано в Книге рекордов Гиннеса: это самый удаленный от моря крупный город в мире — ближайшее побережье Мирового океана располагается в 2500 километрах. В Урумчи и пригородах по разным оценкам живет до двух миллионов человек. Для нас этот современный торговый город служил транзитной базой: здесь мы оставили на хранение часть оборудования, сюда мы возвращались с маршрутов. Важнейшее для меня наблюдение в Урум-

чи оказалось связано с русским языком, который давно является здесь языком межнационального общения, причем без каких бы то ни было усилий с российской стороны. Просто местным уйгурам и выходцам из бывшей советской Средней Азии вершить сделки по-русски оказалось сподручнее (рис. 10—11).

Нужно заметить, что информация, поступающая из Синьцзяна, обычно тенденциозна. Официальные китайские СМИ как всегда предельно осторожны, сухи и оптимистичны. Западные журналисты охотно используют «живую» информацию уйгурских сепаратистов, часто создавая и тиражируя заблуждения. Одно из них, например, — о невозможности получения высшего образования на уйгурском языке. Мы могли убедиться, что в местном университете преподавание ведется в том числе и на уйгурском, что в центральном книжном магазине Кашгара половина книг на полках — также на уйгурском языке. В отличие от ханьцев на представителей малых народов не распространяются ограничения на рождение второго и следующих детей (рис. 12).

В специальном хранилище музея Института археологии Академии общественных наук Синьцзяна нам показали сенсационные археологические находки, сделанные китайскими учеными за последние годы. Тысячелетиями жаркий сухой воздух и соленые пески пустыни Такла-Макан сохраняли мумифицированные тела, одежду, утварь, оружие, созданные поколениями обитателей поселений бассейна реки Тарим (ранние мумии датируются XVIII в. до н. э., поздние — II в. н. э.) В массе высокие, светлоглазые и русоголовые, прото-тохары, тохары, сака, юэджи и другие местные племена были европеоидами, говорили на языках индоевропейской группы и имели множественные культурные связи с западными и южными соседями¹⁵.

В прическу высокой красивой молодой женщины для пышности вплетены пряди чужих волос, лицо сохранило следы древней косметики. Трехмесячный ребенок, лежит на подушке из белой овечьей шерсти. Он обернут в коричневую шерстяную «пеленку» и обвязан красными и синими шнурами. Рядом бутылочка из коровьего рога. Мощный мужчина лет пятидесяти с волосами,

10

earned a place in the Guinness Book of Records as the most remote city from any sea in the world. The nearest coastline of an ocean is about 2500 kilometres away. According to different sources the population of Urumqi and its suburbs is about two million. This modern trade city served us as a transit base. We stored some of our equipment there, and we returned there from our routes. The most important observation in Urumqi had to do with the Russian language. It has long become a language of international relations there, and Russia hasn't made any efforts at that. It is really much handier for local Uyghurs and immigrants from former Soviet Central Asia to manage affairs in the Russian language (figs. 10—11).

It is necessary to note here that information coming from Xinjiang is usually biased. Official Chinese medias, as a rule, are pretty cautious, dry and optimistic. Western journalists willingly use “live” information of Uyghur separatists, often creating and circulating errors. One of which, for instance, is the impossibility of getting higher education in Uyghur language. We made certain that teaching in the local university is performed in Uyghur as well. And half of the books on the shelves of the Kashghar central bookstore are in Uyghur, too. Restriction in regards to the birth of a second baby and the following ones does not apply to representatives of minor peoples as opposed to the Han Chinese (fig. 12).

We were shown sensational archaeological finds that were discovered by Chinese scholars in recent years. Those finds are kept in a special vault of the Museum of Institute of Archaeology of Academy of Social Sciences of Xinjiang. Hot dry air and salty sands of Takla-Makan desert have carried mummified bodies, clothing and weapons, created by generations of Tarim Basin inhabitants (the earliest mummies date back to the 18th century BC, the latest — to the 2nd century AD). Tall, light-eyed and fair-haired proto-Tocharians, Tocharians, Saka, Yuezhi and those belonged to the other local tribes were Indo-Europeans and speakers of Indo-European languages. They had diversified cultural connections with their western and southern neighbours.

A tall beautiful young woman's hair dress had somebody else's locks plaited into it. Her face maintained traces of ancient cosmetics. Then there was a three-

13

month-old child; he lay on the pillow made of sheep's wool. He was wrapped in brown cloth of fine quality and tied around with red and blue cords. Nearby there was a little bottle made of cow's horn. There was also a man in his fifties with his hair braided in two. Felt raincoats and hats, striped “gaiters”, “plaid”, a bag of grain, a sieve could be found there, as well as ancient fabrics of bright colours¹⁵... (fig. 13).

In Xinjiang Pedagogical University we were met by a conference hall filled with colleagues, who wanted to meet Russian scientists. A lot was said about our professors, about the role of Russian science, with which all relations were interrupted by force for thirty years. Propositions for renewal of the partnerships and scientific interaction sounded truly sincere (fig. 14). Certain Russian words that would occasionally slip from the lips of our Chinese colleagues later gave place to Russian songs.

11

заплетенными в две косы. Войлочные плащи и шапки, «гетры» с полосатым рисунком, клетчатые «шотландские» ткани, сумка с зерном, решето. Яркие краски древнейших тканей... (рис. 13).

В Синьцзянском педагогическом университете нас ждал полный конференц-зал коллег, которые хотели увидеться с русскими учеными. Много добрых слов было сказано о наших учителях, о роли российской науки, с которой почти тридцать лет вынужденным образом разорваны все связи. По-настоящему искренне звучали предложения о важности возобновления сотрудничества и научного взаимодействия (рис. 14). За торжественным ужином отдельные русские слова, проскальзывавшие в речах наших китайских коллег, сменились русскими песнями.

Из Урумчи наш путь лежал в древний Кашгар, важнейший центр на Великом шелковом пути. Здесь экспедиция работала в старом городе, в одной из главных мусульманских святынь региона — мемориальном комплексе Аппака-хаджи, посетила усыпальницу Йусуфа Хасс Хаджи Баласагуни. Видеосъемки для проекта проводились в пустыне Такла-Макан.

Местная соборная мечеть Ид Ках считается крупнейшей в Китае. По преданию, она основана в VIII в. и была реконструирована в 1442 г. (рис. 15—16). Прилегающие улочки приютили сотни магазинчиков, где при желании можно раскопать настоящий раритет. Здесь, как и в старом городе, множество жен-

щин носит чрезвычайно плотные коричневые лицевые покрывала. Мы бродили по узеньким улочкам старого города, побывали в бывших зданиях Русского (рис. 17) и Британского консульств в Кашгаре — о противостоянии российского Генерального консула (с 1882 по 1903 г.) Н. В. Петровского и Джорджа Маккартни, представлявшего здесь британские интересы в течение двадцати восьми лет (1890—1918), можно написать не один роман¹⁶.

Зная о том, что в обоих консульствах сейчас расположены рестораны, я еще в Петербурге на предполетной встрече участников экспедиции предложил запастись настоящей русской водкой и бутылкой хорошего виски, чтобы вечером, за разговором о «Большой игре» выпить и там, и там. Как водится у нас в таких случаях, к моему предложению отнеслись серьезно и по-деловому. Ввезенного запаса спиртного, без сомнения, хватило бы на десяток хороших пиршеств. Каково же было наше недоумение, когда при вылете из Кашгара служба безопасности аэропорта потребовала изъять из наших чемоданов (не из ручной клади!) все запасы спиртного, накануне спокойно совершившего с нами рейс из Урумчи, в том числе и то, что находилось в нераспечатанных специальных пакетах из московского дьюти-фри. Мы грустно наблюдали, как довольный шофер автобуса, возивший нас по Кашгару и окрестностям, бережно выкатывает из здания аэропорта полную тележку весьма благородных напитков, совокупная стоимость которых намного превышала его гонорар.

From Urumqi we went on to Kashghar, one of the most important centres on the Great Silk Road. The expedition worked in the old city, in the memorial complex Appaq-khwaja — one of the major Muslim shrines of the region. The mausoleum of Yusuf Khass Hajib Balasaghuni was also visited. Video filming for the project was performed in the Takla-Makan desert.

The local Friday mosque Id Gah is considered to be the largest in China. Tradition runs that it was built in the 8th century and was reconstructed in 1442 (figs. 15—16). Adjacent to the mosque, side-streets have given room to hundreds of little stores, where if one is willing to look for a rarity, he will discover a true one at that. Here, as well as in the old city, many women wear an extremely dense brown face covering. We wandered along those narrow streets of the old city, visited former buildings of Russian (fig. 17) and British consulates in Kashghar. More than one novel can be written about the opposition of the Russian the Consul-general (from 1882 to 1903) N. V. Petrovskiy, and George McCartney, who represented British interests there for twenty years (1890—1918)¹⁶.

Knowing that both former consulate buildings now hosted restaurants, back in Petersburg at the preliminary meeting of expedition members I suggested that we should have stocked up on genuine Russian vodka and some good whiskey, so that at night we could drink in both places while talking over “The Great Game”. As is usually the case, my suggestion was taken seriously and in a business-like manner. The alcohol supply brought in was undoubtedly enough for ten good

17

feasts. We were totally perplexed, though, when we were about to depart from Kashghar and the airport security service asked us to empty our luggage (not carry-ons, mind you!) of all alcohol supply, which the day before had flown with us from Urumqi. The alcohol taken also included all those bottles that were specially packed by the Moscow duty-free shop. Sad-eyed, we observed how our happy bus driver, who was driving us around the city of Kashghar and its suburbs, carefully rolled the cart out of the airport. The cart was filled with alcohol the accumulative value of which exceeded his fee many times.

14

15

16

18

Профессор уверял, что даже в Африке, где он вел раскопки в долине реки Нила у пирамид Египта, не было так жарко. Он называл впадину: *ужасно адски яма*.

В. А. Обручев¹⁷

Мы направлялись в Турфан, «горячий пуп Евразии». Турфанская впадина (90 км с востока на юго-запад и около 40—50 км с севера на юг) является самой низкой точкой Восточной Азии (–154 м) и третьей по глубине в мире после котловины Мертвого моря и озера Кинерет. Сенсационные данные о глубине, перепадах давления, температуре (+48 °C в тени, +64 °C на солнце летом и до –20 °C зимой) впервые получил спутник Пржевальского талантливый русский офицер В. И. Роборовский, устроивший здесь в 1894 г. постоянную метеостанцию.

Турфан начался для нас с древнего буддистского монастыря Безеклик. Дорога сюда идет вдоль чрезвычайно живописных «Огненных гор», в зависимости от освещенности меняющих свой цвет от нежно-розового до красно-бурого. Некогда этим путем прошли и сотни буддийских проповедников, и вереницы паломников.

Мы стояли под сводами древних монастырских пещер, и, казалось, самые стены шепчут здесь «Ом мани падме хум». Верующие наделяют эту мантру бесконечным множеством смыслов, она редко интерпретируется в связи с буквальным значением входящих в нее слов. Один из смыслов близок знаменитым ахматовским строкам:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда¹⁸.*

В двух шагах от монастыря Безеклик в издревле намоленном месте расположен Туйок — святое для местных мусульман место, паломничество к которому при определенных условиях приравнивается к хаджу.

В Турфане и его окрестностях работы проводились в районе мечети и минарета Эмин, самого высокого в Китае (рис. 18—19), а также на городище Цзяохэ (рис. 20).

После захода солнца мы отправились смотреть ночной праздничный Турфан, отмечавший один из важнейших мусульманских праздников, известный как «Ночь Предопределения» или «Ночь могущества» (*лайлат ал-кадр*). Небольшая площадь, освещенная лампами, прикрученными к самодельным столбам, была уставлена многими десятками столов. Здесь и ели, шумно и весело, и готовили вкусную снедь прямо на виду. Всполохи огня, печки-буржуйки, *тандыры*, *казаны*, фыркающие маслом громадные сковороды... На столах

Professor assured us that even in Africa, where he was performing some archaeological digs in the valley of the Nile by Egyptian pyramids, it wasn't as hot. He called this cavity: *one hell of a pit*.

Vladimir Obruchev¹⁷

We were heading to Turfan, the “Hot navel of Eurasia”. Turfan Basin (90 km from east to south-west and about 40—50 km from north to south) is the lowest point of Eastern Asia (–154 m) and the third lowest in the world after the Dead Sea basin and Kinnereth Lake. Sensational data of its depth, pressure and temperature swings (+48 °C in the shade and +64 °C in the sun in summer and –20 °C in winter) were first acquired by Przhevalsky's companion, the talented Russian officer V. I. Rorobovsky, who established a permanent weather station in 1894.

For us Turfan started with the ancient Buddhist monastery Bezeklik. The road there runs along the extremely picturesque “Flaming Mountains”, which depending on illumination switch their colours from light pink to red brown. In former days hundreds of Buddhist preachers and strings of pilgrims walked that way.

We were standing beneath the vaults of ancient monastery caves and it seemed as though the walls were whispering “Om mani padme hum”. The believers give this mantra an innumerable amount of meanings; and it rarely is interpreted in relation to the literal meaning of its words. One of its meanings is echoed by famous lines of Akhmatova:

*If you only knew from what kind of dust
Poetry springs, without shame,
Like a yellow dandelion by the fence,
Like burdocks and goose-foot¹⁸.*

In close proximity to Bezeklik there is a sacred place for local Muslims — anciently spiritual Tuyoq, pilgrimage to which with certain conditions is equalled to *hajj*.

In Turfan and its suburbs the expedition worked in the vicinity of the Amin mosque and minaret, the tallest in China (figs. 18—19), and on the ruins of ancient city of Jiaohe (fig. 20).

After sunset we went to see the festive Turfan under the cover of night and celebrating one of the most important Muslim festivals, known as “The Night of Fate”, or “The Night of Power” (*Laylat al-Qadr*). The little square, illuminated by lamps fastened to self-made polls, was set with many tables. People were eating, loudly and merrily. Others were cooking delicious meals in full view. Sparks of flame, small stoves, *tandur*, large pots, frying pans snorting with oil... Tables are covered with tasty *manty* with mutton, pumpkin and *jutsai* — fragrant “onion-garlic”, and *lagman* with autumn sauce with radish, carrot, Kohlrabi and turnip, and *samsa* with meat, onion, pumpkin, fruits and vegetables, and *sangza* — threads of dough

вкуснейшие *манты* с бараниной, тыквой и *джусаем* — душистым «луком-чесноком», *лагман* с осенним соусом из редьки, моркови, кольраби и репы, пирожки-*самса* с мясом, луком, тыквой, овощами и фруктами, *санза* — нити теста, собранные в небольшие «мотки», и обжаренные в раскаленном жире, мед, варенье... Все это запивалось пиалами *атканчая* (крепкого черного чая с молоком, посыпанным семенами кунжута).

— *Это што за маленьки колбас?* — спросил он.

Я объяснил, что они делаются из крутого теста и жарятся в бараньем сале и что это лучший сорт хлеба для дороги. Но им баурсаки не понравились¹⁹.

Было уже часов одиннадцать, но мы так и не посмотрели знаменитые подземные каналы-кяризы — «горизонтальные колодцы», тянущиеся под землей от водоносных слоев у подножья гор к полям (причем, иногда за пять-семь километров!) и обеспечивающие ирригацию края в условиях иссушающей жары. Выехав за город, мы поставили автобус так, чтобы он мог осветить нам фарами путь, и, перепрыгивая с камня на камень, отправились вглубь каменной пустыни. Кроме черного провала метров за сто от дороги, мы, конечно же, ничего не увидели. Уже в автобусе оказалось, что по пути кто-то успел покусать нашего экспедиционного фотографа Татьяну Федорову и мою дочь Марьям, которая больше всех настаивала на посещении кяризов («Как быть в Турфане и не увидеть!» Центральная Азия — ее специальность).

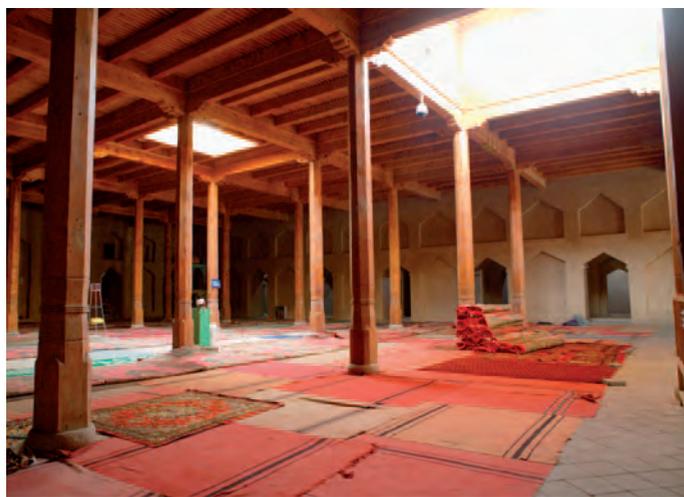
— *Фома, этто какой гадкий насекомым? Я читаль, Туркестан живет каракурт, смертельни кусак!*

— *Нет, профессор, это фаланга, паук.*

— *Он тоже кусайт? Восемь ног, как у паука! Противный.*

— *Кусает и больно, если его придавить или тронуть. Рука пухнет, сильный жар будет*²⁰.

19

Все как по писанному: с утра укусы посинели-покраснели-распухли. Я ругался, что нечего ходить в пустыню в босоножках, и по прилете в Цинхай повез укушенных в местную больницу, где был поражен быстротой, эффективностью и дешевизной китайской медицины. Но это было чуть позже, а тогда вечером мы вернулись в гостиницу, нагруженные сладчайшим виноградом и дынями, и за чаем с разговорами просидели почти до самого отъезда в аэропорт Урумчи.

Путь предстоял неблизкий, и мы тронулись часа в четыре утра. Проехали спящими улицами, сплошь крытыми вьющимися виноградными лозами. В предрассветные сумерки уплывали ажурные саманные сушилки, в которых созревает знаменитый турфанский кишмиш, виноградники, тщательно обработанные поля. Вдоль шоссе почетным караулом выстроились пирамидальные тополя, дальше — к подножью розовых предрассветных гор тянулись фруктовые деревья. В сторону от дороги отходило ответвление на древнее городище Цзяохэ — некогда богатый столичный город на Великом шелковом пути. Теперь по его маршрутам вместо шелка текут нефть и газ, а где Шелковый путь, там, как известно, и Большая Игра.

Сколько труда на протяжении многих и многих веков было вложено в эту землю, оглаженную, облюбованную людьми! Я засыпал, просыпался, вглядывался в окно и размышлял о непростой истории этого края и ее параллелях с историей российского Северного Кавказа, где так же войны вновь и вновь сменялись восстаниями: кавказская (1817—1864), абречество, «малый газават» во время русско-турецкой войны 1877—78 гг., всплеск, вызванный революциями пятого и семнадцатого годов, Северо-Кавказский эмират, повстанческое движение, которое продолжалось в Чечне вплоть до 1940 г., коллаборационизм части населения, депортация, возвращение, первая и вторая чеченские... Россия в Хасавьюрте попыталась решить вопрос с независимостью и получала вторжение в Дагестан. Впрочем, сегодня независимость не «от кого», а «с кем» (много ли независимости в Эстонии или Польше, например, с детальной регламентацией всего и вся Европейским союзом и вассальной внешней политикой? Если это суверенитет, то, что такое зависимость?) В Китае, как и в России сегодня, пытаются лечить болезнь массивными инвестициями в развитие края. Время покажет, насколько эффективным окажется такой подход. «При философском осознании любая историческая параллель есть вещь дефективная — писал только что ушедший от нас Александр Пятигорский, — Но без этой параллели история неполна. Потому что эта параллель... показывает, что в меняющихся исторических условиях остаются какие-то константы человеческой психологии... И тогда мы говорим: «Смотрите, как похоже». А что похоже? Мы похожи».

“balled” together and fried in scorching fat, and honey, and jam... Everything was washed down with numerous tea bowls of *atkanchai* (strong black tea with milk sprinkled with sesame seeds).

— *What a littla sausage is?* — he asked me.

I explained that they were made of thick doe, and fried in sheep's fat. I also told him that it was the best bread for travelling. But they did not like boortsogs¹⁹.

It was already 11 o'clock and we hadn't yet seen the famous underground *karizes* — “horizontal wells” that stretch under ground from the water-carrying layers at the foot of mountains to fields (sometimes they stretch for five to seven kilometers!) and provide irrigation to the land of scorching heat. Having left the city we parked the bus in such a way that its headlights would illuminate our path. And jumping from rock to rock we headed deep into the rocky desert. One hundred meters away, of course, we could not see but a pitch-black hole. When we got back to the bus it turned out that something already managed to bite our expedition photographer Tatyana Fedorova and my daughter Maryam, who in fact insisted the most on visiting the *karizes* (“How is it possible to be in Turfan and not see those!” Central Asia is her specialty).

— *Foma, whata littla bad inshect is? I rod in Turkestan live black widow, biter dead!*

— *No, professor, this is a camel spider.*

— *He bite too? Eight legs, like spider! Disgusting.*

— *It bites and is quite painful, if you squeeze or touch it. Your hand will swell, accompanied with high fever*²⁰.

Everything went exactly by the book — by morning the bites turned blue and red and swelled. I was swearing at them for wearing sandals in the desert. And after we arrived to Qinghai I took the bitten to the local clinic. I was amazed at the swiftness, effectiveness and cheapness of Chinese medicine. But that happened a bit later. On that night we returned to the hotel loaded with the tastiest grapes and melons. And sipping our tea we sat and talked the night away almost until the time we were about to leave for Urumqi.

The journey ahead of us would take a long time. We started off at four in the morning. We drove by the sleeping streets studded with grapes all over. Tracery adobe drying rooms where famous Turfan sultanas ripen, vines and thoroughly cultivated fields sailed into the twilight before dawn. Lombardy poplars lined up as guards of honour along the highway, further on fruit trees stretched toward to the foot of right-before-dawn mountains. The road branched towards the ancient Jiaohe city — once a very rich capital along the Great Silk Road. Now its routes transport oil and gas instead of silk. And if the Silk Road is here, so is the Great Game.

How much labour was put into this land for many centuries — the land which was chiselled and taken care of by its people! I was falling asleep and waking up, looking in the window and pondering over the uneasy history of this

land and its parallels with the history of Russian Northern Caucasia, where wars again and again gave place to insurrections. It in turn experienced the Caucasian War (1817—1864), the Abrekhood, “lesser Jihad” during the years of the Russian-Turkish war in 1877—1878, disturbances caused by revolutions of 1905 and 1917, the Northern Caucasian emirate, an insurgent movement, which continued in Chechnya until 1940, collaboration of part of population, deportation, return, the First and Second Chechen Wars... In Khasavyurt Russia tried to solve the issue with independence and in return received intrusion into Daghestan. Today, however, independence is less “from somebody” and more “with somebody”. (Is there a lot of independence in Estonia and Poland, for instance, with detailed regulation from the European Union and its vassal foreign policy? If this is sovereignty, then what is independence?) In China, as well as in Russia today, they try to cure the disease with concentrated investments intended for development. Only time will show weather this approach will really work or not. “In view of philosophical perception any historical parallel is a defective issue,” — once wrote recently deceased Alexander Pyatigorsky. “But without this parallel history is incomplete. Because this parallel... shows that in altering historical conditions certain constants of human psychology remain... And then we say, ‘Look, how similar’. What is similar? We are similar”.

20

КУНСТКАМЕРА THE KUNSTKAMERA MUSEUM

21

Малофу, — говорил лама, — много писал, все написанное складывал в сундуки, которых у него было два. Он принес с собой машину, в которую записывал голоса людей, также фотографировал их. Он хорошо разговаривал по-югурски, но говорил мало, все писал.

Э. Р. Тенишев²¹

Очень рад Вашему путешествию. Запасайтесь научным капиталом на всю жизнь (по языку и этнографии).

С. Е. Малов — Э. Р. Тенишеву. 18.08.1956²²

Трудно было представить себе «что-нибудь более забитое и плачевное, чем наш этнографический музей», он «не заслуживает этого названия и справедливо может быть назван только временным складом или кладовой для хранения этнографической коллекции»²³ — отмечала в своем «Донесении» от 1887 г. специальная академическая комиссия. Музейные предметы, «сваленные в кучи, громоздились в подвалах без описей и нумерации», а научная атрибуция в таком случае становилась «уравнением со многими неизвестными»²⁴. Такой печальный вид имел еще недавно блестящий Императорский музей, буквально восставший из пепла после разрушительного пожара 1747 г., в результате которого погибла большая часть этнографических коллекций. Он медленно умирал после того, как на его базе был создан ряд самостоятельных академических музеев²⁵. Значительная часть важнейших коллекций и вместе с ними статус и финансовые возможности стали постепенно покидать стройный дом на набережной Невы — первое в мире здание, построенное специально для музейных нужд (рис. 21). «Если антропологическая, или краниологическая часть музея, содержавшая главным образом собрание черепов многочисленных народностей России, находилась в Музейном флигеле и была кое-как доступна для публики, то о существовании этнографического отдела, ютившегося в двух полутемных залах в здании Кунсткамеры, в городе почти никто не знал, более того, вряд ли о нем знали все академики»²⁶.

В том виде, в котором Музей существует сегодня, он был по существу заново создан на рубеже XIX и XX вв. во многом благодаря знаниям, таланту и энергии Василия Васильевича Радлова (1837—1918) (рис. 22).

Один из крупнейших в мире тюркологов академик Радлов, приняв Музей в 1894 г. и возглавляя его четверть века, проявил себя как выдающийся администратор. Он поставил перед собой цель создать *научный музей общечеловеческой культуры*, который был бы достоин столицы великой страны. Все требовало самого неотложного решения: финансы, помещения, но главное — кадровый состав, ведь в 1894 г. он застал в музее лишь одного храните-

Maluofu, — said the lama, — wrote a great deal. And then he would stack everything in chests; he had two of those. He also brought a little device into which he was recording the voices of various people. And he took pictures of people, too. He spoke good Uyghur, but did not speak much. He mostly wrote.

Edham Tenisev²¹

I'm really happy for your journey. Store the scientific riches (on linguistics and ethnography) for the rest of your life.

Sergey Malov — Edham Tenishev 18.08.1956²²

It was hard to imagine “anything more clogged and pitiable than our Ethnographic museum”. It “does not deserve its name and may fairly be called a storage or a stockroom for keeping the ethnographic collections”²³, — noted the special academic commission in its “Report” of 1887. The museum’s articles were “dumped into towering piles without any inventory or numeration in the basements” and the scientific ascription in that case would become “an equation with many unknown quantities”²⁴. That was the sad appearance of the recently splendid Emperor’s Museum, which literally rise up from ashes after the destructive fire in 1747, as a result of which the great part of the ethnographic collections perished. And then it was doomed to slow death as a series of independent academic museums were formed on its foundation²⁵. The significant part of the most important collections and together with those also the status and financial possibilities began to leave the well-built on the bank of Neva — the first in the world building that had been built specially for a museum’s needs (fig. 21). “If anthropological or craniological section of the museum containing mostly the collections of skulls of the numerous people groups of Russia was located in the wing of the Museum and was at least somehow accessible to the public, of ethnographic department’s existence located in the two semi-dark rooms of the Kunstkamera building hardly anyone in the city knew and obviously not all of the members of the Academy did so”²⁶.

The way the Museum looks today was essentially made anew on the turn of the 19th and 20th centuries, and mainly it was due to the knowledge, talent and energy of Vasilii Vasilyevich Radloff (1837—1918) (fig. 22).

One of the most prominent Turkologist in the world, a full member of Academy, Radloff, having accepted the Museum in 1894 and heading it for half a century, showed himself as an outstanding administrator. He set a goal before him — to create *a scientific museum of the culture common to all mankind*, which would be worthy of the capital of the great country. Everything demanded an urgent judgment: funds, premises, — but most of all — the personnel, since back in 1894 he found only one keeper in the museum. Radloff, of German nationality,

22

ля. Радлов, немец по национальности, обладал широкими научными связями в Европе, пользовался глубоким уважением в правительственных и деловых кругах, но при этом, являясь человеком подлинно широких взглядов, был готов к необычным кадровым решениям. Он не только сам закрывал глаза на политическое прошлое и взгляды коллег, но еще и брался добиться того же от представителей государства и академической администрации. Для того, чтобы в 1901 г. принять на работу Л. Я. Штернберга, Академия наук выхлопала ему трехмесячное право жительства в столице: «и каждые три месяца

акад. В. В. Радлов или акад. К. Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное Отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яковлевиче лежало тогда два несмываемых “позорных пятна”: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения»²⁷.

Такой подбор сотрудников не помешал Радлову создать в 1909 г. «Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого совет», Почетным председателем которого стал князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, а членами — ряд видных промышленников и меценатов.

Полное отсутствие соответствующего бюджетного финансирования не мешало развертыванию экспедиционной работы. Благодаря Радлову находившийся в ведении Министерства иностранных дел Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в который входили представители пяти научных учреждений и обществ и шести министерств, превратился, фактически, в экспедиционный отдел Музея²⁸. Экспедиции комитета снаряжались во многом по инициативе Музея, в него же по большей части поступали и собранные материалы.

В. В. Радлову, имевшему заграничный диплом, по правилам того времени не позволялось читать лекции в университете. Он создал кружок, объединивший талантливую молодежь. Среди постоянных участников занятий кружка был Сергей Ефимович Малов (1900—1957) (рис. 23), вскоре ставший преданным учеником и научным последователем Радлова. Это было время острой научной дискуссии В. В. Радлова и В. Томсена относительно «алтайской» теории фонетики литературного языка древних уйгуров. «“Алтайская теория” В. В. Радлова остроумно опровергается В. Томсеном. Принимая поправки В. Томсена, В. В. Радлов, тем не менее ищет подтверждение и своей гипотезы. Он надеется найти ее в фонетике малоизученного языка желтых уйгуров провинции Ганьсу»²⁹. С этой целью Радлов изыскал возможность послать в Китайский Туркестан своего ученика С. Е. Малова, и эти экспедиции (1909—1911 гг. и 1913—1915 гг.) оказались необычайно продуктивными. В ходе поездок Малов собрал богатый и разнообразный материал по фольклору и этнографии (его коллекции хранятся в МАЭ)³⁰, сделал многочисленные лингвистические записи, которыми пользовался всю жизнь. Однако важнейшая находка была сделана в 1909 г. в одном из буддийских храмов селения Вунфыгу Малов обнаружил почти полный список древнеуйгурской рукописи «Золотой блеск» (*Алтун йарук*). Эта рукопись дала ученым уникальные исследовательские материалы. Осуществленная В. В. Радловым и С. Е. Маловым публикация памятника древнеуйгурским шрифтом стала одним из важнейших событий мировой науки той поры³¹.

После смерти Радлова С. Е. Малов продолжил работу над текстами из Китайского Туркестана, в частности завершил работу над знаменитым изданием

had rich scientific connections in Europe and was held in great respect among the governmental and business circles, and yet he truly was a man of broad interests, who was always ready for unusual personnel decisions. He did not only close his own eyes to the political past and views of his colleagues, but he also strived for the same attitude from the representatives of the state and Academy's administration. In order to accept Lev Sternberg for employment in 1901, the Academy of Sciences obtained a three-month living permit in the capital after much effort. “And every three months either Radloff or Zalemann, both members of Academy, went to the then Security Department for the purpose of obtaining an extension for the permit. The matter with Lev Yakovlevich was that there were two indelible ‘shameful stains’ on him: first of all, he was a revolutionary and a political criminal; and second of all, he was a Jew, a Jew without a diploma of higher education”²⁷.

That sort of placement of personnel did not hinder Radloff from forming “The Board of Trustees of the Emperor Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography”. Prince Alexander Georgyevich Romanovskii, the Duke of Lichtenberg was chosen to be its honourable chairman, and a number of prominent manufacturers and patrons of art — its members.

A complete lack of the corresponding funding did not bother the unfolding of the expedition activities. Thanks to Radloff, the Russian Committee for the study of the Central and Eastern Asia, that was under the jurisdiction of the Ministry of Foreign Affairs and which included the representatives of five scientific institutes and societies and six ministries, practically turned into an expedition department of the Museum. In many respects the expeditions of the Committee were equipped on the initiative of the Museum²⁸, and for the most part the collected materials were admitted into the Museum, too.

Radloff, who had a foreign diploma, was not permitted to give lectures in Russian universities, as was the rule of those times. So he formed a circle, a study group which united talented youth. Among the steady participants of the study group was Sergey Efimovich Malov (1900—1957) (fig. 23), who soon became a faithful student and scientific follower of Radloff. It was the time of the sharp scientific discussion of Radloff and Wilhelm Thomsen on the subject of the “Altai theory” of the phonetics of the literary language of the ancient Uyghurs. “The ‘Altai theory’ of Radloff was wittily rebutted by Thomsen. Taking the corrections of Thomsen, Radloff, however, continues to seek confirmation of his hypothesis. He is hoping to find it in the phonetics of the little-studied language of the yellow Uyghurs of the Gansu Province”²⁹. With that end in view, Radloff was looking for an opportunity to send his student Sergey Malov into Chinese Turkestan, and those expeditions (1909—1911 and 1913—1915) turned out to be very fruitful. In the course of the journeys Malov collected rich and manifold material on the folklore and ethnography (his collections are preserved in the MAE)³⁰ and made a great deal of linguistic notes, which he used for the rest of his life. His main discovery, though, was made

23

in 1909: in one of the Buddhist temples in the village Wongfengu Malov discovered almost a complete ancient Uyghur manuscript “The Golden Light” (*Altun Yaruk*). That manuscript gave scholars paramount research materials. The publication of that monument in ancient Uyghur script, accomplished by Radloff and Malov, became one of the most important events in the world science of those times³¹.

After Radloff passed away, Sergey Malov continued working on the texts from Chinese Turkestan; particularly he completed working on the renowned publication “The Monuments of the Language of Uyghurs”, which was not finished by his

24

«Памятники языка уйгуров», не доведенным до конца учителем. «Любопытна история этой книги. Целым рядом немецких экспедиций в первые годы XX века преимущественно в Турфанском оазисе на Западе Китая было открыто большое количество древнеуйгурских памятников юридического и другого содержания. В Германии эти рукописи ученые прочитать не смогли и приехали для расшифровки к Радлову в Россию. В. В. Радлов успешно справился с этой задачей, но книгу опубликовать не успел. Ее издание перешло в руки С. Е. Малова. Под его редакцией и с добавлением очень ценных словаря и при-

мечаний была написана книга «Uigurische Sprachdenkmaler», знаменая собой огромное достижение русской филологической науки в области изучения памятников языка древних уйгуров»³². Круг научных интересов С. Е. Малова, сформированный Радловым, был необычайно широк — от рунических памятников до современных тюркских языков. В 1939 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР³³.

Работа над изучением «Сутры Золотого блеска» была блестяще продолжена Эдхамом Рахимовичем Тенишевым, молодым учеником Малова, выпускником Восточного факультета ЛГУ. Грамматическому изучению памятника была посвящена его диссертационная работа озаглавленная: «Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»» (1953 г.)

В 1956 г. Э. Р. Тенишев был командирован президиумом АН СССР в Китай для оказания помощи в описании неизученных тюркских языков (рис. 24—28). Им были совершены три экспедиции в труднодоступные районы Западного Китая (Синьцзян — 1956, Циньхай — 1957 и Сюньхуа — 1958) с целью сбора лингвистического, фольклорного и этнографического материалов. Во время поездки к желтым уйгурам Тенишев встретился с внуком помощника С. Е. Малова — Сыптым Намырджалом. Тот бережно хранил небольшой котел Малова (рис. 29) и фотографию деда, сделанную русским ученым. Был еще жив и другой помощник Малова, 76-летний Занву. Он бережно хранил бумагу, оставленную Маловым, на которой записал священные тибетские тексты³⁴. Позднее, Тенишев, как некогда и Малов, подготовит к печати книгу своего учителя³⁵.

25

26

teacher. «The history of this book is very interesting. A series of German expeditions in the first years of the 20th century predominantly in the Turfan Oasis in the Western China discovered a large number of ancient Uyghur monuments of juridical content and not only. In Germany those manuscripts could not be read by the scholars, and so they came to Radloff in Russia for help in decoding those. Radloff successfully coped with the task, but he did not have time to publish the book. Its publication, therefore, passed into the hands of Malov. Under his editorship and with his addition of very valuable vocabulary and footnotes a book was written, «Uigurische Sprachdenkmaler», marking a tremendous achievement of Russian philological science in the field of studying the monuments of the language of ancient Uyghurs»³². The circle of scientific interests of Sergey Malov, formed by Radloff, was incredibly broad — from runic monuments to modern Turkic languages. In 1939 he was selected as a corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR³³.

The work on studying «The Golden Light Sutra» was brilliantly continued by Edham Rahimovich Tennishev, a young student of Malov, a graduate of the Oriental Department of Leningrad State University. His dissertational thesis titled «Grammatical Essay of the ancient Uyghur language based on the literary work «The Golden Light»» (1953) was dedicated to the grammatical study of the monument.

In 1956 Tennishev was sent to China by the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR in order to assist in the description of the little-studied Turkic languages (figs. 24—28). He made three expeditions in the regions of Western China difficult of access in those times (Xinjiang in 1956, Qinghai in 1957 and Xun-

29

hua in 1958) with the purpose of collecting linguistic, folklore and ethnographic materials. During his journey to the yellow Uyghurs Tennishev met the grandson of Malov's assistant — Syptym Namyrjal. With great care he kept a small cauldron of Malov (fig. 29) and the photograph of his grandfather taken by the Russian scholar. Also, another helper of Malov was still alive, Zangwu of 76 years old. He solicitously kept the paper left by Malov, on which Zangwu had written some sacred Tibetan texts³⁴. Later Tennishev, as well as formerly did Malov, will prepare a book of his teacher for publication³⁵.

27

28

САЛАРЫ SALARS

30

Однако по-настоящему счастливой оказалась поездка Тенишева к саларам. И здесь в русской науке уже существовала своя традиция. Еще в 1859 г. о. Палладий (Кафаров), автор статьи «О магометанах Китая», опубликованной в IV томе «Трудов Пекинской духовной миссии» писал: «В Северо-Западном углу внутреннего Китая, рядом с первобытными обитателями края, полудикими тангутами, обитает магометанская колония уйгуров (из Хамило), по месту жительства называемых салар, а про жилищам — черноюртнюю. Со времени монгольского владычества саларцы имели свое управление в лице наследственного тысячника. По вере и религиозным обычаям они близки более к китайским магометанам, чем к туркестанцам, и, если и сохранили некоторые особенности в этом отношении, то это произошло от разобщенного положения их. Разделялись они на 12 гунов (кочевьев или родов — неизвестно), из которых в каждом был свой особый глава, духовный; кроме того был над всеми высший, особый глава веры»³⁶.

В 1884 г. по саларским землям провинции Ганьсу уже проходила экспедиция Григория Николаевича Потанина (1835—1920), обратившего внимание на ряд важнейших элементов истории и культуры этого народа: «...почти все время пребывания провел в записывании саларских слов. Это я считал необходимым сделать ввиду того, что точных сведений о том, каким языком говорят салары, не было. О существовании саларов было известно давно, было также известно, что они мусульмане, и ориенталисты признавали их за тюрков, но не было точно определено место их жительства, не было также записано ни одного саларского слова. У Пржевальского они были даже включены в состав тангутов; правда, есть тангутившиеся салары, но едва ли под саларамы Пржевальского следует понимать только этих, а не всех саларов»³⁷.

«...Мы прошли вдоль всей линии саларских деревень, лежащих к востоку от Сюн-хуа-тина [Сюньхуатин]; часть саларов живет и к западу от Сюн-хуа-тина.

Кроме этих, сюн-хуа-тинских саларов, живущих на правом берегу Желтой реки, есть еще салары на левом берегу, около города Баян-жун [Баянжун]. Эти последние утратили свой родной турецкий язык и говорят по-тангутски, хотя веру исповедуют мусульманскую...

Салары говорят тюркским языком, который они сохранили в лучшей чистоте, чем широнголы свой монгольский... Живут салары в фанзах, сложенных из сырцового кирпича. Управляются, по общему отзыву соседей, ахунами; но есть у них и тусы, т. е. родовые старейшины, как и у широнголов. Все салары мусульмане; мечети (по-саларски мишт) — китайской архитектуры, похожи с виду на кумирни; крыши украшены драконами, на стенах барельефы, изображающие львов и тигров. Главное здание квадратное; в стороне от него отдельно — минарет, также с китайской крышей. Мусульманские книги получают из Шанхая. Для письма салары употребляют тюркскую азбуку. Я видел у саларов и рукописи тюркского письма. В саларской земле есть почитаемая

However, the happiest journey of Tenishev was his trip to the Salars. And here also the Russian science had its own tradition. Back in 1859 Father Paladiy (Kafarov), the author of the article "On Mohammedans of China", published in the 4th volume of "The Works of Beijing Spiritual Mission", wrote: "In the north-western corner of the Inner China, near the primitive inhabitants of the land, semi-barbarian Tanguts, dwells a Mohammedan colony of Uyghurs (from Hamilo), who are called the Salars according to their place of residence and the Black Yurts — according to their living quarters. From the times of Mongol dominion the Salars had their own government in the person of the hereditary head of a thousand. In the matters of faith and religious customs they are much closer to the Chinese Mohammedans than to the inhabitants of Turkestan, and if they did preserve some peculiarities in this regard then it has to do with their disconnected situation. They were divided into 12 guns (whether camps or clans, it is unknown), and each had its own spiritual head; and they also had a supreme head, a supreme spiritual head"³⁶.

In 1884 the Salar lands of the Gansu Province already saw an expedition, that of Grigoriy Nikolaevich Potanin (1835—1920), who paid attention to a series of important elements of the history and culture of the people:

"...I devoted almost all the time of my sojourn to the writing of the Salar words. I considered it necessary in view of the fact that there were no accurate data in regards to the language the Salars spoke. Of the Salar existence we knew for a long time now; and we also knew that they were Muslims, and the Orientalists considered them to be Turks. But their place of residence had not been identified accurately, and no Salar word had been recorded. Przhevalsky had them included as part of the Tanguts; and yes, it is true that there are some Tangutated Salars, but under the Salars of Przhevalsky we hardly ought to see only those Salars and not all of the Salars"³⁷.

"... We went along the line of all of the Salar villages situated to the east of Xunhuating; some of Salars dwell to the west of Xunhuating, too.

Apart from these Salars of Xunhuating that live on the right bank of the Yellow River, there are also the Salars of the left bank, nearby the town of Baiyangrong. The latter lost their native Turkish language and they speak Tangut language, even though they profess Islam <...>.

The Salars speak a Turkic language, which they preserved in much purer form than the Shirongols did their Mongol language. <...> The Salars lives in fanzhas made of mudbricks. They are governed, by all accounts of the neighbours, by akhunds; but they also have tus (sing.), i. e. ancestral elders, just as the Shirongols have. All of the Salars are Muslims; their mosques (misht in Salar language) built in Chinese architectural style, and by sight they look like joss-houses; their roofs are adorned with dragons and bas-reliefs on the walls depict lions and tigers. The main building is square; aside from it, separately, stands minaret, also with a Chinese roof. The Muslim books are received from Shanghai. For their writing

мусульманская святыня, останки какого-то Ангури-шейха; они хранятся в пещере, находящейся в отвесной скале к западу от Сюн-хуа-тина; поднимаются ко входу в пещеру по крутой и опасной лестнице, подвешенной к скале; мусульмане уверяют, что по этой лестнице без дурных последствий может подняться только человек с благочестивой мыслью; в противном случае человек падает со значительной высоты и разбивается. Об этом святом также рассказывают, что он мог в ночь слетать на богомолье в Самарканд.

Салары сохранили предание, что они пришли в край из Самарканда; впрочем, это предание рассказывают о себе и другие китайские мусульмане, как, например, жители городов Гуй-хуа-чена [Гуйхуачэн] и Нин-ся [Нинся]. Салары говорят, что их предки были за воровство скота изгнаны с их прежней родины; изгнанные, они шли до тех пор, пока шел, не останавливаясь, верблюд, на котором были навьючены их пожитки. Верблюд остановился в нынешней саларской земле; тут предки саларов и поселились»³⁸.

В 1893 г. Ф. Поярковым и В. Ладыгиным был опубликован подробнейший этнографический очерк, посвященный саларам. Он основан на опросе двух саларов, зазимовавших в 1892 г. по дороге в Мекку в Токмаке и Бишкеке на Севере Киргизии. Очерк включает в себя географическую и статистическую информацию о расселении саларов, легенду об их переселении, описание традиционного жилища, одежды, пищевых предпочтений, образа жизни и взаимоотношений с соседями, свадебного ритуала, родов, похорон и поминок, системы традиционных фамилий и структуры светских и религиозных властей, сравнительного уровня жизни, прав наследства, преступлений и наказаний, верований в добрых и злых духов. Отдельно представлены антропологические черты саларов и описание их языка, включая словарик общеупотребительной лексики³⁹.

Во время своей поездки 1958 г. высокопрофессиональный тюрколог Тенишев смог собрать уникальные материалы, которые не только легли в основу докторской диссертации⁴⁰, окончательно определившей статус саларского языка, прежде рассматривавшегося как уйгурский или туркменский диалект, но и позволили написать серию блестящих исследовательских работ⁴¹. Саларские материалы стали важным элементом в теории языковых союзов — темы, которая составила одно из ключевых направлений теоретических исследований Тенишева. Здесь же важно отметить, что вслед за В. В. Радловым и С. Е. Маловым Тенишев видел в сохранившихся текстах древних тюркских памятников «воплощение наддиалектального и единого для ряда племен и народов языка»⁴². Во многом благодаря новаторским результатам изучения языка и культуры саларов Э. Р. Тенишев был избран членом-корреспондентом АН СССР⁴³.

Сегодня салары — небольшой (около 110 тыс. человек) народ, живущий в юго-восточной части китайской провинции Цинхай близ истоков трех великих азиатских рек — Хуанхэ, Янцзы и Меконга (рис. 30—32). Здесь образо-

ван саларский автономный уезд, и именно здесь производится и развозится по всему мусульманскому миру едва ли не восемьдесят процентов традиционных шапочек для намаза.

Из окна нашего автобуса видно несколько поясов гор. Ближайшие к нам — красно-бурые, дальние — темно-серые. Вдоль улиц — *арыки*, обсаженные карагачем и ивой. В каждом дворе (от монашеской кельи до дорогого ресторана) — «солнечный кипятильник»: ориентируешь зеркальную тарелку на солнце, ставишь чайник и через десять минут кипятков готов. Здесь засеяно и тщательно обработано все, что можно засеять и обработать, каждый крохотный клочок земли.

Салары КНР — народ огузского, южнотюркского происхождения. Их самоназвание существует в различных вариантах: *салар*, *салор*, *салыр*, *салир*, *сала*, *салацу* (последнее — на китайском языке), и относится к числу огузских племенных наименований⁴⁴. Оно и сегодня встречается у туркмен Старо-Чарджуйского, Серахского и Керкинского районов Республики Туркменистан. *Салгур*, древнейшая форма этнонима, зафиксирована Махмудом Кашгарским (XI в.), в вариантах *салур* или *салор* он встречается у Рашид ад-Дина, (XIV в.) и Абу ал-Гази (XVII в.). Тюркский эпос свидетельствует о том, что салоры обладали значительным влиянием среди огузов. Это, по-видимому, объяснялось их близостью в легендарной родословной к герою-прародителю Огуз-кагану, важной ролью, которую им довелось сыграть в процессе исламизации туркмен, и, конечно их военной мощью и богатством.

Начав движение из дельты Амударьи и Сырдарьи, волна переселения докатилась до прикаспийских территорий, и далее — на Запад⁴⁵, вплоть до Малой Азии. Здесь салоры растворились, оставив свой след в топонимах Восточной Анатолии.

Еще в XI в. часть племен ушла в Хорасан, Ирак и Фарс, другая впоследствии оказалась на восточном побережье Каспия, частью пройдя через Крым и Поволжье. В XIV в. подразделения салоров жили в Прикаспии (Мангышлак), на плато Усть-Юрт и в предгорьях Балхан⁴⁶. Катастрофические засухи XVII в. вынудили салоров мигрировать в пределы Хивинского ханства и Бухарского эмирата...

Еще до заселения огузами прикаспийских земель их часть осела к северу Самарканда в соседстве с кыпчакскими племенами, и вплоть до начала XIX в. салоры, жившие неподалеку от Самарканда, сохраняли свое самоназвание⁴⁷. Сегодня их потомками являются туркмены Самаркандской области (Нуратинский и Кошрабатский районы), фактически ассимилированные узбекским окружением.

Китайские хроники упоминают о переселении саларов в китайские пределы в первые годы правления династии Мин (1368—1644). Салары свято верят, что в беспокойном XIV веке два брата-прародителя, Ахман и Караман⁴⁸

they use Turkic alphabet. In fact I saw manuscripts in the Turkic alphabet in Salar's possession. There is a venerated Muslim shrine in the Salar lands, the remains of some Anguri-shaykh. They are preserved in the cave in the vertical cliff to the west of Xunhuating. To enter the cave one must climb up a steep ladder suspended to the cliff. Muslims are convinced that only a man with pious mind can climb up the ladder without any bad consequence; otherwise, a man falls down from a significant height to his death. This saint is also attributed the legend that he could fly on pilgrimage to Samarqand in one night.

The Salar preserved a legend of their migration from Samarqand. This legend, however, is also told by other Chinese Muslims, for example, the inhabitants of Guihua District and Ningxia. The Salar say that their ancestors were banished from their former lands for cattle-stealing; exiled, they walked for as long as the camel loaded with their belongings walked. The camel stopped at the current Salar lands; and that was where the Salar ancestors settled³⁸.

In 1893 F. Poyarkov and V. Ladygin published a detailed ethnographic essay dedicated to the Salar. It was based on the survey of two Salar who spent the winter of 1892 in Tokmak and Bishkek in the north of Kirghizia on their way to Mecca. The essay includes geographical and statistical data about the settling of the Salar, their migration legend, description of their traditional living premises, clothing, feeding preferences, their way of life and relationships with their neighbours, wedding rituals, births, funerals and wakes, the system of traditional name-making and structures of secular and religious authorities, comparative level of living, rights to inheritance, punishments for the crimes, beliefs in good and evil spirits. Anthropological features of the Salar and the description of their language along with a dictionary of widely used vocabulary were presented separately³⁹.

During his journey in 1958 a highly professional Turkologist, Tenishev, could gather unique materials, which did not only underlie his doctorate dissertation⁴⁰, which once and for all determined the status of Salar language, which prior had been considered to be an Uyghur or a Turkmen dialect, but also allowed him to write a series of brilliant research works⁴¹. The Salar materials became an important element in the theory of the language unions — the theme, which formed one of the key directions of the theoretic researches of Tenishev. It is also important to note here that following the conviction of Radloff and Malov, Tenishev saw “the embodiment of over-dialectal and common language for a series of tribes and peoples”⁴² in the preserved texts of the ancient Turkic monuments. It was mainly due to his innovative results in the study of the language and culture of the Salar Tenishev was selected as a corresponding member of the Academy of Sciences of USSR⁴³.

Today Salar are a small ethnic group (about 110 thousand people), the majority of which lives on the narrow highlands to the right hand of Huanghe River, in the south-eastern part of Qinghai close to the heads of three great Asian rivers — Huanghe, Yangtze and Mekong (figs. 30—32). The Salar Autonomous Region

has been established there. Almost eighty percent of traditional *namaz* caps are produced there and are delivered all over the Muslim world.

From the windows of our expedition bus we can see several mountain belts. The closest to us are red brown, the farthest are dark grey. There are *aryqs* along the streets; elms and willows are planted all around them. Each court — from a monk's cell to an expensive restaurant — has a “sun boiler”. One orients concrete plate pasted with mirrors towards the sun, places kettle and within ten minutes water is boiling. Every bit of the land is sown and diligently cultivated is everything that can be used for sowing and cultivation, every little bit of land.

The Salar of the PRC are a people of the Oghuz, South Turkic origin. Their self-designation exists in various forms: *Salar*, *Salor*, *Salyr*, *Salir*, *Sala*, *Salazu* (the latter is their Chinese name), and it relates to the Oghuz tribal names⁴⁴. Even today one may find it among the Turkmens of the Old Chardzhou, Serahs and Kerki regions of the Republic of Turkmenistan. *Salgur*, the oldest form of the ethnicon, was noted by Mahmud of Kashgharia (11th century); the *Salur* or *Salor* readings one may find it in the works of Rashid al-Din (14th century) and Abu al-Ghazi (17th century). The Turkic epos testifies to the fact that the Salar had a great impact among the Oghuz. That apparently was explained by their closeness to the heroic forefather Oghuz Khaqan in their legendary genealogy by the important role they played in the process of Turkmen Islamization, and, of course, by their wealth and military power.

Starting from the Amu Darya and Syr Darya delta area, the waves of migration rolled to the pre-Caspian territories and then further west⁴⁵, all the way to the Asia Minor. There the Salar dissolved, having left their trace in the toponyms of Eastern Anatolia.

Back in the 11th century part of the tribes left for Khorasan, Iraq and Fars; yet another part consequently left for the West shore of Caspian see having gone through Crimea and Volga Region. In the 14th century the Salor subdivisions lived in the pre-Caspian area (Mangyshlak), on the Ustyurt Plateau and in the foothills of Balkhan⁴⁶. The catastrophic droughts in the 17th century forced the Salar to migrate within the bounds of Khiwa and Bukhara...

Even before the Oghuz settled in the pre-Caspian lands some of them settled in the region north of Samarqand in the neighbourhood of the Kypchak tribes, and right up to the 19th century the Salar, who lived not far from Samarqand, retained their self-designation⁴⁷. Today their neighbours are the Turkmens of the Samarqand region (Nurata and Koshrobot districts), practically assimilated by the Uzbek environment.

The Chinese chronicles mention the Salar migration into the Chinese boundaries in the first years of the Ming Dynasty's rule (1368—1644). The Salar sacredly believe that in the uneasy 14th century two ancestor brothers Akhman and Qaraman⁴⁸ (“Qaramanov Brothers”, as noted by one of our expedition members, Dmitriy

«братья Карамановы», по замечанию участника нашей экспедиции Дмитрия Шнеерсона) переселись сюда из Самарканда⁴⁹. В различных версиях сказания сохраняется неизменной дата поселения сорока саларских семей на новом месте — 1370 год.

Белая верблюдица, спасшая братьев и оборотившаяся в камень, стала национальным символом страны. Рукопись Корана, принесенная по преданию братьями, — другая важнейшая святыня саларов⁵⁰. Ее считают старейшим кораническим списком в Китае (рис. 33—34). Собственно, легенда о верблюдице и древней рукописи, во многом повторяющая предание о переселении в пределы современного Узбекистана группы арабских племен, и привела нас сюда.

31

32

Shneerson) have moved there from Samarqand⁴⁹. Different legend versions agree in the year of 1370 as the date of appearance of forty Salar families at their new dwelling place.

The white she-camel that rescued both brothers and turned itself into stone became a national symbol of the country. We are reminded of it with a white marble sculpture in Xunhua — a kneeling two-humped she-camel with a saddle-bag containing the Sacred Book. The copy is acknowledged as the oldest in China (figs. 33—34)⁵⁰. In fact the legend of the she-camel and ancient manuscript, which in many respects repeats the legend of a group of Arabic tribes migrating into the territory of modern-day Uzbekistan, had brought us there.

33

34

Похожая легенда (рис. 35) связана с мавзолеем Мухаммада Садика, наиболее почитаемого святого (*вали*) братства 'ишкийя. Мавзолей расположен в поселении Катта-Лангар (100 км к югу от Самарканда, в ущелье Кок-Су, в отрогах Зарафшанского хребта)⁵¹. По словам полковника российского Генерального штаба Белявского, дважды побывавшего тут во время производившейся им в 1889 г. рекогносцировки восточных районов Бухарского эмирата, «Лянгар, Бова-шады и Тут-ак составляют как бы святые горы Бухары. Благочестивые мусульмане, придя на поклонение, не ограничиваются поклонением Лянгару, а посещают также Бова-шады и Тут-ак»⁵².

Согласно интересующей нас легенде, когда катта-лангарский *вали* Мухаммад Садик, был молодым *муридом*, в его обязанности входили подогревание и подача своему учителю теплой воды для предмолитвенных омовений. Однажды он обнаружил отсутствие топлива, положил *кумган* с холодной водой себе под мышку и заснул: свершилось чудо — вода вскипела. Учитель, обожженный горячей водой, понял, что его *мурид* достиг *хакиката*, последнего этапа мистического пути, и со словами: «Нам вдвоем здесь делать нечего», — велел ему искать другое место для жизни и проповеди. На прощание учитель сказал: «Пусть будет местом твоего постоянного пребывания то, где верблюд твой упадет от усталости и не встанет в течение трех дней». Послушный Мухаммад Садик долго блуждал по стране в поисках подходящего места для своего *лангара*. В одном месте верблюд, который с одной стороны от седла нес сундучок со священным списком Корана, а с другой — с *хиркой* пророка, упал от усталости и, пролежав один день, двинулся дальше, в другом месте пролежал два дня, и, лишь дойдя до территории будущего Катта-Лангара, животное в изнеможении лежало трое суток⁵³.

Именно так по преданию в Катта-Лангаре оказалась одна из древнейших рукописей Корана в мире. На протяжении веков она была объектом самого глубокого почитания поколений мусульман как «Коран 'Усмана», первописок Священного текста.

Так там оказалась и другая мусульманская святыня — *хирке-йи мубарак* («благословенная плащаница»), накидка, якобы принадлежавшая прежде пророку Мухаммаду и ставшая в исламе одним из символов верховной власти.

Исследования показывают, что с легендой о переселении Мухаммада Садика прямо соотносится предание о переселении в этот район группы арабских племен. Согласно этому преданию, бытующему как среди самих кашкадарьинских арабов, так и среди их соседей, в то же время по решению Тимура в этот район в наказание были переселены арабские племена, чьи предки обвинялись в том, что они принимали участие в убиении внуков пророка Хасана и Хусайна. По одной из версий предания об этом переселении, арабы были направлены Тимуром «в Китай», и лишь заступничество Мир Хайдара, бывшего якобы религиозным наставником грозного владыки, позволило поселить их в районе Гиссара и Карши. С другой стороны, в одной из версий легенды о переселении

The similar legend (fig. 35) is connected with the *mazar* of Muhammad Sadiq the most venerated *wali* of 'Ishqiyya brotherhood in Katta-Langar⁵¹. It is located 100 km to the south of Samarqand, in the Kuk-su ravine on a spur of the Zarafshan mountain range. According to Belyavsky, a colonel of the Russian General Staff who was there twice in 1889 in the course of a reconnaissance mission in the eastern regions of the Bukharan emirate, "Langar, Bowa-shadi and Tut-ak make up the sacred mountains of Bukhara ... Pious Muslims who come to venerate the place do not limit themselves to the veneration of Langar, but visit Bowa-shadi and Tut-ak as well"⁵².

An interesting legend deals with the resettlement of Muhammad Sadiq, the Katta-Langar saint (*wali*). When he was a young *murid*, his duties included heating water and serving it to his teacher for the ablutions which preceded prayer. Once he discovered that there was no fuel to heat the water; he placed the *qumghan* with cold water under his arm and fell asleep. A miracle occurred and the water came to a boil. His teacher, scalded by the hot water, realized that his *murid* had attained *haqiqqa*, the final stage of the mystical path. Saying, "there is no reason for us to remain together here", he ordered his pupil to find a new place to live and preach. His teacher said in parting: "May the place of your permanent residence be the place where your camel falls from exhaustion and does not rise for three days". The obedient Muhammad Sadiq wandered the land in search of an appropriate location for his *langar*. At one point, his camel, which carried a saddle-bag with the sacred copy of the Qur'an on one side and the *khirqqa* of the Prophet on the other, fell from exhaustion. But after resting for a day, it continued. In another place, it lay for two days. It was only upon reaching the territory of the future Katta-Langar that the animal lay exhausted for three days⁵³.

This was the way how according to the legend one of the world oldest Qur'anic copies appeared in Katta-Langar. Generations of Muslims for centuries venerated it as the very first copy of the Sacred Text — "the Qur'an of 'Uthman". Another sacred relic *khirqe-ye mubarak* ("blessed shroud") which was supposed to have belonged to Muhammad himself and which became one of the symbols of the supreme power in Islam travelled together with the holy Qur'anic copy.

Extant traditions link the resettlement of the Arabs to Ma wara' al-nahr with Timur's decision to punish the Arab tribes whose ancestors had been accused of murdering Hasan and Husayn, the Prophet grandsons. According to one version of the tradition, Timur directed the Arabs "to China", and only the intercession of Mir Haydar, allegedly the religious mentor of the mighty and terrible ruler, allowed them to be settled in the area of Gissar (Hisar) and Qarshi. From the other side one of the versions of the legend describing Salar migrations to China quite suddenly alleges that Salar ancestors once had been living in the "country called Emen or Yemen"⁵⁴. Here in Yemen one has to find the ancestral home of the Arabs living now in Qarshi area in Uzbekistan⁵⁵.

саларов в китайские пределы вполне неожиданно говорится о том, что их предки некогда жили «в местности, называемой Емен или Йемен»⁵⁴. Сюда же, в Йемен, следует отнести и прародину арабов, живущих ныне в районе Карши⁵⁵.

Из ряда исторических источников известно, что в 1513 г. узбекские султаны, занявшие перед тем северный Хорасан и Балх, вынуждены были очищать захваченные области. Султан 'Убайдулла переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан — через Амударью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, района в северном Афганистане⁵⁶, где жили арабы. Документы показывают, что переселенцы нуждались в покровителе на новом месте, при этом существовало и понятие «плата за заботу» (*ихтимам*)⁵⁷. Легенда о долгом путешествии и изможденном верблюде отразила многомесячный путь переселенцев, а старинный список Корана стал «платой за заботу».

В предании о строительстве мечети в Катта-Лангаре, рассказанном мне ее имамом 'Абд ал-Джаббаром б. Ибрахимом, постоянно подчеркивается, что мечеть строилась коллективно, каждое из соседствующих с местом строительства племен отвечало за тот или иной аспект строительства: заготовку или подвоз стройматериалов, предоставление скота и приготовление пищи для нужд строителей и т. п. Смыслом строительства мечети, начатого всего через несколько лет после переселения, было объединение мусульман независимо от их этнического происхождения. Тем самым переселенцы интегрировались в местную среду⁵⁸.

Содержательное совпадение легенд, единство времени и места, несомненно, свидетельствует о культурном взаимодействии. Эти легенды помогут нам понять, что же все-таки происходило в огромном центральноазиатском «котле» во время, переломное в истории многих народов, шедших по пути переселения проверенными маршрутами Великого шелкового пути.

Эти маршруты были для саларов по-настоящему своими. После ухода с исторической арены согдийцев и на протяжении многих веков они частично контролировали эти пути, служили проводниками и охраной торговых караванов.

Письменных источников по истории саларов (салоров) практически не сохранилось. Е. Г. Царева блестяще показала возможность и важность анализа техники производства, цветовой гаммы и орнаментики ковровых изделий для исследования этнокультурной истории народов Средней Азии⁵⁹. В этой связи важно, что салоры — племя, которое сами туркмены называли родоначальниками ковроткачества. Сегодня, имеющийся комплекс источников показывает нам, что салоры неоднократно пересекались с арабами в районе Средней Амударьи. Как отмечает Е. Г. Царева «в IX в., когда они пришли сюда первый раз, в этом районе еще существовало значительное неассимилированное арабское население. В XI в., примкнув к сельджукам, салоры продвинулись через Египет и Северную Африку до Испании, а потом — в своей обычной манере — тихо (и частично) откатились назад. Возвращались через Египет и Ирак. Часть, возможно, двигалась северным путем, в обход Каспия.

В XIV—XV вв. пришли на Среднюю Амударью в процессе заселения опустошенных монголами территорий. Во всех случаях они заселяли северную зону, не продвигаясь южнее Чарджоу. В XIV в. часть племени (возможно, не только салоры) переселилось в Нуратинское междугорье (по глухим сведениям, часть племени ушла туда еще в IX в., т. е. вновь прибывшие стали как обычно для племенных миграций “подселенцами”). Похоже, что на восток, в Китай, салоры продвигались именно через Нуратинское междугорье, возможно, под влиянием соприкосновения с китайцами, которых переселили в Мавераннахр монголы, и предварительно отправив в Предтибетье своих “разведчиков”. В районе Средней Амударьи как салоров, так и арабов было много, причем в северной зоне, вокруг и к северу от Чарджоу, они проживали чересполосно⁶⁰.

По-видимому, к концу XIV в. следует отнести появление в Предтибетье группы саларов-«первопроходцев». В течение столетия к ним подтягивались новые переселенцы, которые однажды и принесли рукопись Корана, показанную нам в 2008 г. По результатам, к сожалению, достаточно краткого осмотра, она представляет собой список среднеазиатской работы, который предположительно можно датировать XIV—XV вв. По-видимому, тогда же получила бытование и известная легенда о переселении родов-«первопроходцев», легенда, принесенная из района Самарканды — Карши и очень близкая той, что описывала переселение арабов.

Легенда эта стала, вероятно, равным достоянием нескольких этнических групп, «варившихся» в одно и то же время в одном центральноазиатском котле: «...предание это..., довольно распространено между здешними мусульманами. Я слышал его уже давно, и при том неоднократно, от татар и сартов, проживающих в селении Токмак»⁶¹ (т. е. в Чуйской долине между Тянь-Шанем и Киргизским Ала-Тоо, там, где издавна проходил знаменитый Чуйский тракт), — писал в 1893 г. Ф. Поярков. История о народе, который сквозь века, горы и пустыни прошел из далекого Йемена до Амударьи и принес с собой священный первоисписок Корана, западала в души слушателям суфийских шейхов и стала частью серии этногенетических преданий.

Сегодня сохранение идентичности саларов основано всего на нескольких факторах. Это саларский язык — язык внутрисемейного общения (с небольшим фольклорным корпусом на нем), предание о переселении, закрепленное свадебным ритуалом⁶², традиционный женский головной убор (*кейтма*), и, наконец, направление ислама, которое не только выделяет саларов из неисламского окружения, но и отличает их от других мусульман.

При этом, архитектурно-интерьерная среда (в том числе культовая), пищевые приоритеты, мужская, женская и детская повседневная одежда (за исключением *кейтмы*), язык общей культуры, образования и делового общения и проч. в результате длительного межэтнического общения практически полностью утратили национальную специфику.

In 1513, the Uzbek Sultans who had by then occupied northern Khorasan and Balkh were compelled to “cleanse” the areas they had conquered. Sultan 'Ubaydallah resettled the residents of Marw to Bukhara, and Janibek resettled the residents of Balkh, Shuburghan and Andkhoy, a region in northern Afghanistan inhabited by Arabs⁵⁶, to his domain on the other side of the Amu Darya. Documents show that the migrants needed a patron in their new location; moreover, the concept of *ihitimam* (payment for care)⁵⁷ existed. The legend of the long journey and the exhausted camel reflected the migrants' travels, and the ancient copy of the Qur'an was “payment for care”.

In the traditional tale of how the mosque was built in Katta-Langar, told to me by its *imam*, 'Abd al-Jabbar b. Ibrahim it is constantly stressed that the mosque was constructed collectively, with each of the neighbouring tribes responsible for some “aspect” of the construction: preparing or delivering construction materials, providing livestock and cooking food for the builders, etc. The mosque, which they began to build only a few years after their move, was intended to unite Muslim regardless of their ethnic origins, and also to integrate the migrants into local society⁵⁸.

The coincidence of both legends in their place, time and content details undoubtedly speaks of cultural interaction. These legends will help us understand what exactly was happening in this enormous Central Asian “tank” in the times that were so critical in the history of many peoples that were going the way of migration according to the tested routes of the Great Silk Road.

These routes indeed belonged to the Salars. After Soghdians left the historical arena, they partially controlled of these routes for many centuries, where they served as guides and guards of the trade caravans.

There practically are no preserved written sources of the history of the Salars (Salors). Elena Tsareva brilliantly showed the possibility and significance of the analysis of the manufacture technique, colour spectrum and ornamentation of the carpet goods for the research of ethno-cultural history of the Central Asian peoples⁵⁹. Thereupon, it is important that the Salors are a tribe that the Turkmens referred to as the progenitors of carpet weaving. Today the existing complex of sources reveals that the Salars repeatedly crossed path with the Arabs in the region of the Middle Amu Darya. As Tsareva points out, that “when they came there for the first time in the 9th century, there was significant unassimilated Arabic population. In the 11th, having joined the Seljuqs, the Salor moved through Egypt and Northern Africa and on to Spain, and then — in their usual manner — quietly (and partially) fell back. They were returning through Egypt and Iraq. Part of them, perhaps, used the northern route, around the Caspian Sea.

In the 14th and the 15th centuries they arrived to the Middle Amu Darya in the process of settling the territories devastated by the Mongols. In all the known cases they settled the northern territories and did not proceed south past Chardzhou. In the 14th century part of the tribe (possibly not the Salors only) migrated to the

Nurata Valley (according to some unconfirmed reports, part of the tribe set off for that region back in the 9th century, in other words the arrived became ‘additional settlers’). It seems like the Salors advanced to the East, to China, namely through the Nurata Valley, perhaps, due to first coming in contact with the Chinese who were resettled to Ma wara' al-Nahr by the Mongols, and having sent their ‘scouts’ to the Tibetan foothills. In the region of the Middle Amu Darya there were a lot of the Salors as well as the Arabs, and in the northern zone, around and to the north of Chardzhou they lived in a strip-farming manner⁶⁰.

Apparently, the emergence of the Salar “pioneers” in the Tibetan foothills ought to be related to the end of the 14th century. During the next century new settlers joined them, which once brought the manuscript of the Qur'an shown to us in 2008. As a result of, unfortunately, quite brief examination it presents a Central Asian work, which presumably dates back to the 14th—15th centuries. Apparently, the famous legend of the migration of the “pioneer” families was spread at the same time; the legend brought from the region of Samarqand — Qarshi, which is very close to the legend describing the migration of the Arabs.

This legend has, probably, equally become the property of several ethnic groups, simultaneously “cooking” in one and the same Central-Asian cauldron: “...this legend... is well spread among the Muslims of this place. I heard it long ago, and repeatedly at that — from the Tatars and the Sarts, living in the village of Tokmak”⁶¹ (i. e. in the Chui Valley between the Tian Shan and the Kirghiz Ala-Too, where the famous Chui route lay from of old), — wrote F. Poyarkov in 1893. The history of a nation, which through the centuries, mountains and deserts passed from distant Yemen to the Amu Darya and brought the sacred manuscript of the Qur'an, sank into the hearts of the listeners of the Sufi *shaykhs* and has become a part of the series of ethnogenetic legends.

Today the preservation of the Salar identity is based on only a few factors: the Salar language — the language of family fellowship (with a small folklore body to it); the legend of migration, strengthened by a wedding ritual⁶²; the traditional women's headdress (*keyta*); and finally the school of Islam, which does not just set the Salars from among the non-Islamic environment, but also from other Muslims.

At the same time the architectural-interior environment (including the cultic one, too), the feeding preferences, men's, women's and children's everyday clothing (with the exception of *keyta*), the language of common culture, education and business relations, and other aspects almost totally lost the national specifics as a result of lengthy interethnic relations.

ИСЛАМ И БУДДИЗМ В КИТАЕ ISLAM AND BUDDHISM IN CHINA

36

Одни и те же учителя несли свою проповедь уйгурам Китайского Туркестана и саларам, живущим в Предтибетье, но сегодня их ислам существенно различается (рис. 36). Первые ориентируются на мистико-аскетическую традицию в исламе, вторые сегодня в большей степени следуют течению, пропагандировавшему очищение ислама от внешних влияний и возврат к исконным ценностям. Именно этому течению журналисты и ученые охотно приписывают особую связь с исламским радикализмом. То, что такое утверждение несправедливо по отношению к саларам, подтверждает и их история, и интервью с Бай Юнь-сяном, *имамом* соборной мечети в саларской столице — г. Сюньхуа, которое мы записали в рамках проекта «Иджма' = Согласие».

Чрезвычайно интересно, что появление и постоянную подпитку здесь салафитских идей⁶³ можно рассматривать как часть мощных и малоизученных салафитских волн, периодически прокатывавшихся по всему мусульманскому миру и вызывавших ответную «суфийскую реакцию». С другой стороны — энергия суфийской проповеди часто наталкивалась на ответный рост популярности идей «очищения ислама от искажающих его новшеств». Вспомним, как в начале XX в. в России начиналась деятельность ваисовцев⁶⁴, как тогда же после продолжительной борьбы (1902—1932) создавалось салафитское королевство — Саудовская Аравия. Среди саларов салафитские идеи породили и соответствующую практику: могилы их святых прародителей сейчас едва ли не заброшены (рис. 37), на протяжении длительного времени действовал запрет на музыку⁶⁵. Возможно ли говорить о своеобразных «качелях», о цикличности в развитии в мусульманской среде «обращения к истокам» и к суфийским ценностям? В любом случае очень и очень важно, что саларская салафия не породила радикализма.

Ислам китайский, как и российский практически незнаком миру. Все слышали о напряженности в Синьцзяне и на Северном Кавказе, но мало знают о мощных гуманистических тенденциях, явленных как российским, так и китайским исламом в результате длительного взаимодействия различных культурных традиций. Салары, как и многие другие мусульманские общины Китая, издавна научились жить в мире и гармонии с людьми, составляющими громадное внешнее большинство, уважая и постигая основы древней китайской культуры. Собеседниками мусульманских ученых были даосские мудрецы, последователи Будды и Конфуция. Такие мусульманские мыслители, как Ван Дай-юй (ок. 1570 — ок. 1660) и Лю Чжи (ок. 1660 — ок. 1739), родившиеся, жившие и творившие в Китае, мыслили чрезвычайно широко, вполне признавая присутствие вечных истин у буддистов, даосов и конфуцианцев и создавая религиозно-философские труды, находившие признание у их оппонентов⁶⁶ (рис. 38—40).

Наше знакомство со страной саларов ознаменовалось и посещением буддистского монастыря Кумбум (Таэрсы) (рис. 41). Он был воздвигнут в 1577 г.

The same teachers preached the same message to the Uyghur of Chinese Turkestan and to the Salars, who lived in the Tibetan foothills, but today their Islam is drastically distinct (fig. 36). The first are more into the mystical ascetic traditions of Islam, today the latter follow the movement that was promulgating the cleansing of Islam of all the outside influences and returning it to its original values. This is the movement to which journalists and scholars attribute special bonds with Islamic radicalism. Both Salar history and a recent interview conducted as a part of the project “Ijma’ = Concord” with Bai Yun-xiang, *imam* of the Friday mosque in the Salar capital — Xunhua, proves this statement to be unfair.

It is of particular interest that the emergence and constant feeding of Salafi ideas⁶³ here could be considered as a part of vigorous and insufficiently explored Salafiyya waves sweeping the Muslim world and caused “Sufi response”. In return, the energy of Sufi preaching often ran against the rise of ideas of “Islam purification necessity from distorting new elements”. Let us remember the start of activities of Vaisov’s followers⁶⁴ in Russia at the same time, and simultaneously, the establishing after enduring struggle (1902—1932) of a Salafi Kingdom of Saudi Arabia. Salafi ideas among Salars have given birth to relevant practices — graves of their holy ancestors are almost totally abandoned (figs. 37) and for a long time music had been vetoed⁶⁵. Perhaps, we can talk about the peculiar “swing”, about cyclical nature of going “back to the roots” or towards “Sufi treasures” in Islam? But it is extremely important that Salar Salafiyya has not given birth to radicalism.

The world practically isn’t familiar with Chinese Islam as well as with Russian Islam. Many have heard of the tensions in Xinjiang and Northern Caucasia, but not many know of the mighty humanistic tendencies revealed by both Russian and Chinese Islam as a result of lengthy interaction of various cultural tendencies. The Salars, as many other Muslim communities in China, have learned to live in peace and harmony with people who comprise the neighbouring majority by respecting and perceiving the basics of Chinese culture. Tao sages, the followers of Confucius and Buddha, were the discourses of Muslim scholars.

Such Muslim thinkers as Wang Dai-yu (born ca. 1570, and died ca. 1660) and Liu Zhi (born ca. 1660, and died ca. 1739), who were born, lived and worked in China, thought widely enough, acknowledging the presence of eternal truths within Buddhism, Taoism and Confucianism, thus creating religious-philosophical works that found recognition with the circles of their opponents (figs. 38—40)⁶⁶.

Our introduction to the Salar region was also marked with our visitation of Kumbum (Taersi) Buddhist Monastery (fig. 41). Effectually located on the way from Tibet to Mongolia and China, this monastery was constructed in 1577 at the place of birth of the “Omniscient Teacher,” the great reformer of Tibetan Buddhism Je Tsongkhapa (1357—1419). Soon it became one of the six prime monasteries of Tibetan Buddhism.

37

на месте рождения «Всеведущего Учителя», великого реформатора тибетского буддизма Чже Цонкапы (1357—1419) и вскоре стал одним из шести важнейших монастырей тибетского буддизма. В 1885 г. монастырь посетил Г. Н. Потанин, оставивший многостраничное описание уклада монастырской жизни и важнейших праздников⁶⁷. Он, в частности, писал:

«В один из ближайших дней после нашего водворения от управителей монастыря были присланы ламы поздравить нас с приездом; они принесли ведро рисовой каши с изюмом и джумой и сказали, что это монастырь подносит нам дары местной природы. Как шю, “варенец”, составляет местную особенность в пище в монастыре Лабране, так для Гумбума такой особенностью служит джума — корешки растения гусиные лапки. Для наших сношений

38

с гумбумским начальством к нам был приставлен лама, который нам назвался Машен. Кажется, это было имя деревни, из которой он родом; настоящее свое имя он скрыл от нас, а мы не старались узнать его. Машен был замечателен тем, что год или два жил в Забайкалье среди бурят, видел, следовательно, русских людей и русские порядки, хвалил русское население за его богатство и добродушие и знал русское слово: “матушка”...

Гумбум — родина Цзонкавы; здесь, как уже сказано раньше, показывают дерево, выросшее на месте, где был зарыт послед, с которым родился Цзонкава⁶⁸...

В настоящее время монахов в Гумбуме насчитывается 2500—3000; во время Гюка, вероятно, их было немногим более, и цифра 7000, вероятно, преувеличенная. Гумбумская община состоит из трех национальных отделов: тангуты, широнголы и южные монголы. Каждая из этих национальностей, мне говорили, составляет треть всей общины... Гумбум служит сборным пунктом для караванов, отправляющихся из Монголии на богомолье в Лхассу. Они приходят в Гумбум в восьмой и девятой луне, а в марте выступают в дальнейший путь; некоторые, может быть, приходят и ранее с осени, по крайней мере, я, прибывши в Гумбум, уже нашел здесь монголов из Халхи, но это может быть отставшие от прошлогоднего весеннего каравана...

Как и в других монастырях, в Гумбуме много детей, посвященных в ламы и находящихся на обучении у старых лам. Они часто выходят на плоские крыши домов и репетируют нараспев выученные молитвы⁶⁹.

Как и много лет назад, в 2008 г. русскую экспедицию тепло встретили в монастыре. А-Ка (рис. 46) один из монахов, некогда получивший высшее светское образование в Синине, угощал нас чаем с ячьим маслом и цембой — местным десертом из толокна, кукурузной муки и сахара. Как и в прежние времена в монастыре было много прошедших длинный путь паломников, а среди послухников — много мальчишек.

В 1908 г. в монастыре Кумбум прошла вторая, особенно теплая, встреча П. К. Козлова с Далай-ламой, позднее подробно им описанная. По просьбе Далай-ламы русский путешественник учил его секретаря Нагмана пользованию фотооборудованием. Фотографии, сделанные тогда, возможно хранятся сегодня в одном из архивов. Монастырь запомнился Козлову своей красотой и особой духовной атмосферой:

«Древние, солидные храмы снаружи роскошно блестят золочеными кровлями и ганчжирами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшего монгольского, тибетского и даже индийского изготовления.

Особенно пышен и чтим храм “Золотой субурган” (субурган — надгробие), перед которым молящиеся простираются ниц движением своих рук и ног, от времени, в дощатом полу паперти сделали большие углубления, в которые свободно помешаются передние части ступни с пальцами, и скользят руки при земных растяжных поклонах.

41

In 1885 the monastery was visited by G. N. Potanin, who left a multipage description of the way of monastery life and of the most important festivals⁶⁷. In particular he wrote:

“In one of the earlier days of our settlement the monastery rulers sent lamas to congratulate us with our arrival; they brought a bucket of boiled rice with raisins and juma and told us that the monastery sends us the gifts of local nature. Like shu, ‘varenets’, is a special dish in the Labrang Monastery, so is juma — the rootlets of Silverweed Cinquefoil — for Kumbum. For our dealings with the Kumbum authorities we were appointed a lama named Masheng. I think it was the name of the village where he was from; his true name he hid from us, and we did not try to find it out. Masheng was remarkable due to his living in Transbaykal among the Buryats for one or two years. Hence he knew Russian people and Russian manners; and he praised Russian people for their wealth and good-nature, and knew a Russian word for ‘mother’: ‘matushka’...

Kumbum is the motherland of Tsongkhapa. They show a tree, which has grown in the place where the placenta, with which Tsongkhapa was born, was buried⁶⁸...

At present time there are 2500—3000 monks in Kumbum; at the times of Huc, most likely, the number was a little higher, and 7000 is perhaps exaggerated. The Kumbum community is comprised of three national regions: Tanguts, Shy-rongols and southern Mongols. Each of these nationalities, I was said, comprises one third of the overall community. ...Kumbum serves as an assembly place for caravans, which leave for the pilgrimage to Lhasa from Mongolia. They reach Kumbum on the eight and on the ninth moon, and in March they set off for their further journey. Some perhaps get here before, from the autumn; at least when I arrived to Kumbum I already found some Mongols from Khalkha, but they could have been the left-behind from the last spring’s caravan...

39

There are a lot of children in Kumbum, just as in other monasteries, that are ordained into lamas; they are studying under the older lamas. Oftentimes they come out onto flat roofs of the buildings and practice chanting their learned prayers⁶⁹.

Just like many years ago, the Russian expedition of 2008 was well received. A-Ка (figs. 46), one of the monks who once received a secular education in Xining,

40

42

Предание гласит, что на месте “Золотого субургана” в 1357-м году родился великий Цзонхава... и что здесь была пролита кровь от его пупка. Спустя три года, на этом самом месте, стало расти сандаловое дерево — “цан-дан”, на листьях которого были видны изображения божеств. Ныне это дерево, именуемое “сэрдон-чэнмо”, т. е. большое золотое дерево находится внутри субургана, занимая его пустоту...

В хорошем виде поддерживается и большой соборный храм, вмещающий до пяти тысяч молящихся. При вступлении на его паперть, меня поразили вид семи основательных плетей, развешанных по стене, причем, наиболее внушительная из них была украшена голубым хадаком. Эти плети, как передавали мне местные обитатели и старейшие из лам Гумбума, только и поддерживают должный уставный порядок монастыря среди монашествующей молодежи...

Красив и богат также храм, стоящий рядом с восемью белыми субурганами, по преданию построенный на месте спрятанного в землю послета ребенка, а впоследствии знаменитого реформатора буддизма Цзонхапы.

В Гумбуме Далай-лама остановился в особняке богатого тибетца, на западной окраине монастыря, на скате “западных высот”, откуда открывался вид почти на весь Гумбум и на отдаленные цепи гор, замыкавшие горизонт с юга... Как и все солидные тибетские дома — этот дом был обнесен высокой, глинобитной стеной, с парадным входом, охраняемым тибетскими парными часовыми» (рис. 42—45)⁷⁰.

Пятьюдесятью годами позднее в монастыре работал Э. Р. Тенишев, оставивший нам подробное описание своего посещения.

Очень теплыми были наши встречи с коллегами из Цинхайского университета национальностей — они помнят и чтут память российских ученых и, в первую очередь, Э. Р. Тенишева, бывшего учителем как для многих из них, так и для нас. Мы сидели за громадным круглым столом и пели русские песни. Мой сосед, специалист по саларской культуре, с горечью рассказывал мне, что сохранившиеся на арабике рукописи на саларском языке можно пересчитать по пальцам — результат «культурной революции» и общественно-политических потрясений тех лет.

43

— Говорят, Тенишев какие-то рукописи привез в Россию, — с надеждой сказал он. Я, сославшись на его научный отчет, ответил, что такого быть не могло.

Спустя несколько месяцев после возвращения домой я встретился в Москве с Еленой Александровной, вдовой Э. Р. Тенишева и рассказал ей эту историю. Она вышла в соседнюю комнату и через минуту вернулась с двумя папками, молча развязала тесемки и достала пачки негативов. Фотокопии двух сочинений, условно названных «Гадательная книга саларов» и «Ритуальная книга саларов» были сделаны Э. Р. Тенишевым в 1958 г. и все эти годы хранились в его домашнем архиве. Сегодня они, несомненно, имеют самое серьезное значение для изучения истории бытования ислама среди саларов.

Приехав домой, я, конечно же, немедленно показал списки дочери. К моему и ее изумлению оказалось, что язык этих рукописей ей, выпускнице кафедры Истории Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ, в принципе понятен. Цепочка знаний не прервалась, и я с гордостью ощутил свою причастность к замечательной русской научной традиции. В ближайшее время совместно с китайскими коллегами мы планируем приступить к исследованию и подготовке критического издания этих памятников. Начатые в Кунсткамере сто лет назад исследования письменных памятников, привезенных из Северо-Западного Китая, возвращаются в увенчанное армиллярной сферой здание на берегу Невы. Предварительные наблюдения показывают, что для исламоведения материалы по истории саларского ислама могут оказаться не менее важными, чем материалы языка этого народа для тюркского языковедения.

***

В Санкт-Петербурге хранится крупнейшая в мире коллекция семян культурных растений, собранная Николаем Ивановичем Вавиловым (1887—1943) в ходе 110 научных экспедиций. Цель, поставленная ученым — победа над голодом. Коллекция Вавилова была предназначена для экспериментов по созданию новых сортов растений. Сегодня на основании этой коллекции расте-

44

treated us with tea with yak's milk and *tzemba* — a local dessert made of oat flour, corn flour and sugar. And just as before, there were a lot of pilgrims who made long journeys, and there were a lot of boys among novices.

In 1908 the Kumbum monastery witnessed a second — especially warm — meeting of P. K. Kozlov with Dalai Lama, which is later described by the former in great detail. At the request of Dalai Lama the Russian traveller taught his secretary Nagmang how to use photographic processing equipment. It may be that the photographs taken then are preserved in one of the archives. Kozlov remembered the monastery's beauty and special spiritual atmosphere:

“On the outside ancient substantial temples luxuriously glitter with the gilded roofs and gangzhier, as to the inside they are richly furnished with the historical burhans of the best Mongol, Tibetan and even Indian making.

“The Golden Suburgan/Temple (suburgan is a headstone) is especially sumptuous and, therefore, especially honoured, too. Praying pilgrims bow before it and prostrate themselves and in the course of time their hand and feet motions have left quite large cavities in the plank flooring of the porch. These cavities easily fit the front part of one's foot with its toes. And one's hands slip while making ground-low stretching bows.

The legend says that back in 1357 the great Tsongkhapa was born at the place of ‘The Golden Suburgan’... and the blood from his navel reddened the ground. Three years later a sandalwood, ‘cang-dang’, began to grow at the same spot, and its trees displayed the images of gods. Today this tree known as ‘serdonchenmo’, meaning ‘the great golden tree’, is located within the suburgan occupying its hollowness...

A large conciliar temple that fits up to five thousand praying individuals is also maintained in a very good condition. Once I stepped onto its porch and I was struck by the view of seven massive lashes hanging on the wall. And the most impressive one was adorned with a blue khadag. Only these lashes, as I was told by the local residents and the oldest lamas of Kumbum, manage to maintain a proper regulational order of the monastery among the youth living a monk's lifestyle...

The temple next to the eight white suburgans is also beautiful and wealthy. According to the tradition it was built on the spot of the buried placenta of a child, later a prominent reformer of Buddhism, Tsongkhapa.

In Kumbum Dalai Lama stayed at the mansion of one wealthy Tibetan on the western outskirts of the monastery, on the slope of “the western heights” wherefrom practically the whole of Kumbum and the distant chains of mountains enclosing the horizon from the south opened up before one's eyes... As all the other substantial Tibetan houses, this house was fenced with a high adobe wall and a front access door guarded by a pair of the Tibetan sentries” (figs. 42—45)⁷⁰.

Fifty years later a distinguished turkologist E. R. Tenishev worked in the monastery.

45

Really warm were our meetings with colleagues from Qinghai University of Nationalities — they remember and honour memories of Russian scholars. And first among them all is E. R. Tenishev, who was a teacher to many of them as well as to us. We were sitting at a huge round table singing Russian songs. My neighbour, a specialist in Salar culture, told me with bitterness of remaining Salar manuscripts in Arabic characters; they can be counted on fingers. It is a result of the “cultural revolution” and the socio-political shock of those years.

— They say Tenishev brought certain manuscripts to Russia, — said he with hope.

Appealing to his scientific report I said it can't be so.

A few months after I returned home, while in Moscow I met with Elena Alexandrovna, E. R. Tenishev's widow. I told her this story. She left the room and went into another one. And within a minute she was back with two folders. She silently untied the strings and pulled out a couple of batches of negatives. They were photocopies of two works tentatively titled “The Salar Divination Book” and “The Salar Ritual Book” and were made by E. R. Tenishev in 1958. And all these years they were kept in his home archive. Today they undoubtedly are of the greatest importance for the study of the Islamic way of life of the Salars.

As soon as I returned home I immediately showed the photocopies to my daughter. To my surprise and hers, the language of those manuscripts was basically clear to her, a graduate of the Department of History of Central Asia and Caucuses of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University. The chain of knowledge has not broken, and I felt proud of belonging to the remarkable Russian scientific tradition. In the near future, together with our Chinese colleagues, we are planning to begin researching these monuments and preparing them for critical publication. The researches of the written monuments brought from the north-western China, that were started a hundred years ago in Kunkamera, are returning into the building on the bank of Neva crowned with an armillary sphere. Preliminary observations show that the materials on the subject of the history of the Salar Islam

46

ниеводство можно восстановить даже, если исчезнут все пищевые растения в мире. Богатство коллекции — в ее разнообразии. Любому школьнику понятно, что потеря любого из ее составляющих сродни катастрофе. Свойства потерянного вида могут оказаться ключевыми в борьбе, например, с неизвестной болезнью, способной уничтожить важнейшие культурные растения — основу пищевого рациона человечества.

Удивительным образом, истина, понятная школьнику в этом случае, перестает осознаваться таковой, когда речь идет о цивилизационном многообра-

зии, требующем сегодня нашей защиты. Прекрасным подтверждением тому может служить история саларов — совсем небольшого народа, живущего вдали от важнейших исламских центров, история, столь важная для понимания процессов внутри всего исламского сообщества.

Скалистый берег резко обрывался вниз, туда, где напряженно выгибаясь, мчалась плотная зеленая вода. Пейзаж напоминал декорации к романтическому балету. Молодой профессор-салар Ма Чэн-цзюнь и я стояли на самом краю, у обрыва. Метрах в пятидесяти от нас Юра Крылов и Марьям записывали на видео выступление саларского певца, известного собирателя местного фольклора. Профессор протянул руку и указал на гору, похожую на гигантский окаменевший стог:

— Вот за той горой живут тибетцы-мусульмане, — сказал он буднично, чтобы заполнить паузу в разговоре. Мучительно пытаюсь вспомнить, что писали о мусульманах-сифанях Пржевальский, Потанин, Поярков и Ладыгин, я отчетливо понял, что однажды обязательно вернусь сюда, чтобы оказаться за той похожей на стог горой.

***

После знаменитых «музейных указов» Петра наш Музей собирала практически вся Россия. Работая с собраниями Кунсткамеры, не перестаешь восхищаться простыми русскими людьми, любознательности и предприимчивости которых мы обязаны многими коллекциями. К таким людям принадлежал главный и любимый герой романа Обручева, с которого мы и начинали этот текст. Поиск древностей стал для простого русского купца Фомы Кукушкина смыслом всей жизни. Именно такие люди, подлинники первопроходцы, сообщали русским дипломатам и ученым ценнейшую информацию, служили проводниками, покупали, выменивали и отправляли на родину ценнейшие экспонаты. Если бы я ставил памятник собирателям Кунсткамеры, то в ряду выдающихся ученых, таких как Радлов, Малов, Тенишев, в ряду флотоводцев и дипломатов я бы все-таки выбрал образ простого русского купца Кукушкина, прошедшего на свой страх и риск тысячи километров по дорогам Китайского Туркестана. Это — по-настоящему собирательный образ человека, труд и любознательность которого сделали наш этнографический музей одним из богатейших в мире. Многие из таких людей получили из рук академика Радлова почетный диплом «Корреспондент Кунсткамеры», который, по рассказам, ценили чрезвычайно.

Такой была наша экспедиция в 2008 г. Такой будет и наша выставка, рассказывающая не только о небольшом мусульманском народе, живущем в Китае, но и об истории нашего Музея, его коллекциях и собирателях, и, конечно, о неразрывной связи этой истории с отечественным востоковедением (рис. 47).

may prove to be no less important for the Islamic studies than the language materials of this people for the Turkic linguistics.

***

The largest in the world collection of seeds of cultivated plants is kept in St. Petersburg. It was collected by Nikolay Ivanovich Vavilov (1887—1943) in the course of his 110 scientific expeditions. The goal set by the scientist had to do with victory over hunger. Vavilov's collection was intended for experimentation in the field of creating new varieties of plants. Today, based on this collection alone, plant growing can be restored even if all food plants in the world disappear. The wealth of this collection is in its variety. Any schoolboy realizes that losing one of its components equals catastrophe. Characteristics of one lost species may turn out to be crucial in struggle against, let's say, unknown disease capable of annihilating all paramount cultivated plants, which are the foundation for the food ration of humanity.

Amazing, but the truth so understandable to a schoolboy in this case is not apprehended as such when we speak of diversity of civilizations, which requires defence by us. The history of the Salars serves as a good confirmation. This small people group live far from significant Islamic centres, and yet their history is so important for understanding the processes within the Islamic community as a whole.

The cliffy coast suddenly dropped downward, where tensely curving thick green waters whirled forward. The view reminded me of decorations for romantic ballet. The young Salar professor Ma Cheng-jun and I stood at the very edge of the cliff. About fifty meters away from us Yura Krylov and Maryam were videotaping the Salar singer's performance, a famous collector of local folklore. The professor stretched out his hand towards a mountain that looked like a gigantic petrified stack:

— Muslim Tibetans live on the other side of this mountain, — said he prosily for the sake of filling the pause in our conversation. I tried hard to remember what Przhevalsky, Potanin, Poyarkov, Ladygin wrote of them and understood that one day I would return there, so that I'd get to that other side of the stack-looking mountain.

***

After the famous "museum decrees" of Peter the Great our Museum was assembled practically by entire Russia. Working with the collections of Kunstkamera, one does not cease to be amazed with simple Russian people whose curiosity and initiative we owe a great deal of the collections. The main and favourite character of the Obruchev's novel with which we started this text was that type of person. For a simple Russian merchant, Foma Kukushkin, the search for antiquity had become his meaning of life. Those people, the true pioneers, were the very ones who gave Russian diplomats and scientists valuable information, served as guides, bought, traded and send important exhibits to scientists. If I were to put up a monument to the Kunstkamera collectors, then on a par with the prominent

scholars as Radloff, Malov and Tenshev and on a par with naval commanders and diplomats I would rank the image of a simple Russian merchant Kukushkin, who travelled for thousands kilometres along the road of Chinese Turkestan at his own risk. That indeed was the collective image of the man, whose labour and curiosity made our ethnographic museum, one of the wealthiest in the world. Many a people like the one described received an honourable award of the "Correspondent of Kunstkamera" from the hands of Radloff, the Museum director. People say the award was extremely valuable.

Such was our expedition in 2008. And such will be our exhibition, which tells not only of a small Muslim nation living in China, but also of the history of our museum, its collections and collectors and of indissoluble ties of this history with Oriental studies in Russia (fig. 47).

47

Средняя азия. Предметы роскоши и туалета.

1 С. Ф. Ольденбург, «Русские археологические исследования в Восточном Туркестане», *Казанский музейный вестник* I—II (1921), с. 30.

2 Н. М. Пржевальский, «Как путешествовать по Центральной Азии. Первая глава 4-го путешествия по Центральной Азии», *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии XXXII* (Санкт-Петербург, 1888), с. 184.

3 В. А. Обручев, *В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя)* (Москва, 1951), с. 34.

4 *Там же*, с. 59.

5 В этой связи любопытно сравнение взглядов на историю проблемы Д. В. Дубровской и С. В. Моисеева. См.: Д. В. Дубровская, *Судьба Синьцзяна* (Москва, 1998); С. В. Моисеев, *Взаимоотношения России и уйгурского государства Йеттишар (1864—1877)* (Барнаул, 2006). См. также: Д. И. Тихонов, «Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в.», *Ученые записки Института востоковедения (АН СССР)* IX (Москва — Ленинград, 1954), сс. 146—174; О. В. Зотов, *Китай и Восточный Туркестан в XV—XVII вв.: межгосударственные отношения* (Москва, 1991). Подробный анализ японских и китайских публикаций в целом по проблеме см.: А. Г. Малявкин, *Уйгурские государства в XI—XII вв.* (Новосибирск, 1983).

6 О сложнейших путешествиях и богатых коллекциях, собранных Свенем Хединым, Марком А. Стайном, Альбертом фон Лекоком, Полем Пеллио и многими другими европейскими учеными, внесшими громадный вклад в изучение региона, см.: P. Hopkirk, *Foreign Devils on the Silk Road. The Search for the Lost Treasures of Central Asia* (Oxford, 1980).

7 Подробнее см.: А. А. Колесников, *Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.) Миссии, экспедиции, путешествия* (Бишкек, 2006). См. также: он же, С. Г. Кляшторный, *Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.)* (Алма-Ата, 1988).

8 См., например, К. Г. Маннергейм, «Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин в 1906—1908 гг.», *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии LXXXI* (Санкт-Петербург, 1909); он же, *Через Азию с Запада на Восток, 1906—1908* (на финском языке, Хельсинки, 1940); А. Н. Куропаткин, *Кашгария: историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля* (Санкт-Петербург, 1879); Л. Г. Корнилов, *Кашгария или Восточный Туркестан* (Санкт-Петербург, 1904) и др.

9 В 2006 г. Б. А. Литвинский был удостоен премии РАН имени С. Ф. Ольденбурга за четырехтомник «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье» вышедший под его редакцией и во многом подводящий итог российским исследованиям в этой области. См.: *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории* (Москва, 1988); *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (этнос, языки, религии)* (Москва, 1992); *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура* (Москва, 1995); *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство* (Москва, 2000). См. также: *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока* (Москва, 1986); *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи* (Москва, 1984). Здесь же следует отметить, что в связи с изучением рукописей, привезенных из Китайского Туркестана С. Ф. Ольденбургом, С. Е. Маловым,

Н. Н. Кротковым, в отечественной науке возникло новое направление — дунхуановедение. Его признанным главой стал Л. Н. Меньшиков, лауреат премии им. С. Ф. Ольденбурга РАН за 1991 г.

10 *Пещеры Тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути*. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки (Санкт-Петербург, 2008). См. также: Z. Huiming, "Les collections de Turfan conservées au musée de l'Ermitage: origine et conservation", *Études de Dunhuang et Turfan*. Textes réunis par J.-P. Drège avec la collaboration d'O. Venture (Genève, 2007), pp. 367—410; idem, M. L. Rudova, N. G. Pčelin, "Invintaire des pièce de Turfan conservées au musée de l'Ermitage", *ibid.*, pp. 411—448.

11 *Там же*, с. 113.

12 В Санкт-Петербурге имеется еще одно значительное этнографическое собрание из Китайского Туркестана. Оно хранится в Российском этнографическом музее и связано с именами А. В. Адрианова, М. М. Березовского, Д. А. Клеменца, С. Ф. Ольденбурга, но, в первую очередь, с именем Самуила Мартыновича Дудина (1863—1929). Дудин, близкий соратник В. В. Радлова, был в 1901 г. направлен в Китайский Туркестан для сбора этнографических коллекций в интересах Этнографического отдела Русского музея (ныне — РЭМ). Привезенное им прежде всего из Кашгара собрание (209 предметов) ныне подробно описано. См.: С. В. Дмитриев, Л. Ф. Попова, «Кашгарская коллекция С. М. Дудина в Российском этнографическом музее», *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX—начале XX века*, ред. И. Ф. Попова (Санкт-Петербург, 2008), сс. 88—111. В последние годы в области изучения этнографии народов Китайского Туркестана очень плодотворно работает Л. А. Чвырь. См.: *Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX вв.: очерки историко-культурных связей* (Москва, 1990); она же, *Обряды и верования уйгуров в XIX—XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане* (Москва, 2006).

13 Полная библиография работ А. М. Решетова будет опубликована в «Сборнике МАЭ» 2009 г. «Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты».

14 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая* (Москва, 1995).

15 Об антропологическом типе и языках населения Тарима см.: J. P. Mallory, V. H. Mair, *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West* (London, 2000).

16 Ср.: С. P. Scrine, L. Nightingale, *Macartney in Kashghar* (London, 1973) и Н. Ф. Петровский, «Отчет о Кашгарии 1885 г.», *Сборник географических, статистических и топографических материалов по Азии* (Санкт-Петербург, 1886).

17 Обручев, *ук. соч.*, с. 86.

18 А. Ахматова, *Тайны ремесла* (1940).

19 Обручев, *ук. соч.*, с. 57.

20 *Там же*, с. 84.

21 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая*, с. 195.

22 «Письма С. Малова — Э. Тенишеву», *Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921—2004* (Москва, 2005), с. 69.

23 «Донесение комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении библиотеки и открытых для публики музеев Академии». См.: *Петербургский филиал Архива РАН*, ф. 2, оп. 1—1882, д. 14, лл. 41—41 об.

24 Л. Я. Штернберг, С. Ф. Ольденбург, Б. Ф. Адлер, Е. Л. Петри, Ю. В. Людсвиг, «Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управ-

1 S. F. Oldenburg, "Russian archaeological researches in the Eastern Turkestan", *Kazan's Museum Herald* I—II (1921), p. 30.

2 N. M. Przhevalsky, "How to travel round Central Asia. First chapter of the 4th journey round Central Asia", *A Collection of Geographical, Topographical and Statistical Data on Asia XXXII* (St. Petersburg, 1888), p. 184.

3 V. A. Obruchev, *In the Thickets of Central Asia (The Notes of the Treasure Hunter)* (Moscow, 1951), p. 34.

4 *Ibid.*, p. 59.

5 There is a very interesting comparison of views between D. V. Dubrovskaya and S. V. Moiseev in this field of expertise. See: D. V. Dubrovskaya, *The Fate of Xinjiang* (Moscow, 1998); S. V. Moiseev, *Relationships Between Russia and the Uyghur State of Yattishar (1864—1877)* (Barnaul, 2006). See also: D. I. Tihonov, "Uyghur historical manuscripts of the late 19th — early 20th centuries", *Scientific Notes of the Institute of Oriental Studies (The Academy of Science of the USSR)* IX (Moscow — Leningrad, 1954), pp. 146—174; O. V. Zotov, *China and Eastern Turkestan in the 15th—17th Centuries: International Relationships* (Moscow, 1991). For a detailed analysis of Japanese and Chinese publications regarding this issue see A. G. Malyavkin, *Uyghur States in the 11th—12th Centuries* (Novosibirsk, 1983).

6 On difficult journeys and rich collections brought home by Sven Hedin, Marc Aurel Stein, Albert von Le Coq, Paul Pelliot and other European scholars contributed a lot to the studies of Chinese Turkestan see for example: P. Hopkirk, *Foreign Devils on the Silk Road. The Search for the Lost Treasures of Central Asia* (Oxford, 1980).

7 For further information see: A. A. Kolesnikov, *Russians in Kashgharia (the Second Half of the 19th — the Early 20th Centuries) Missions, Expeditions, Journeys* (Bishkek, 2006). See also: idem, S. G. Klyashorny, *Eastern Turkestan Through the Eyes of the Russian Travellers (Second Half of the 19th century)* (Alma-Ata, 1988).

8 See, for example, K. G. Mannerheim, "Preliminary report of the journey undertaken by the Highest Order through Chinese Turkestan and Northern provinces of China into Beijing in 1906—1908", *A Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials of Asia LXXXI* (St. Petersburg, 1909); idem, *Through Asia from the East to the West, 1906—1908* (in Finnish language, Helsinki, 1940); A. N. Kurapatkin, *Kashgharia: Historical-Geographical Essay of the Country, its Military Forces, Industry and Commerce* (St. Petersburg, 1879); L. G. Kornilov, *Kashgharia and Eastern Turkestan* (St. Petersburg, 1904) and so on.

9 In 2006 B. A. Litvinskiy was awarded with the Sergey Oldenburg Prize of RAS for his four-volume work *Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages*, which came under his editorship. In many ways it sums up the results of Russian explorations in that region. See: *Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages: Historical Essays* (Moscow, 1988); *Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages (Ethnos, Languages, Religions)* (Moscow, 1992); *Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages. Economy, Material Culture* (Moscow, 1995); *Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages. Architecture. Art* (Moscow, 2000). See also: *Eastern Turkestan and Central Asia in the System of Cultures of the Ancient and Medieval East* (Moscow, 1986); *Eastern Turkestan and Central Asia. History. Culture. Relations* (Moscow, 1984). It must also be noted here that on the grounds of the study of the manuscripts brought by S. F. Oldenburg, S. E. Malov and N. N. Krotkov from Chinese Turkestan Russian science had a new direction spring up — Dunhuangology. L. N. Menshikov, an Sergey Oldenburg Prize of the RAS laureate for 1991, was its acknowledged head.

10 *Thousand Buddha Caves, Russian Expeditions Along the Silk Road*. For the 190th Anniversary of the Asian Museum. The exhibition catalogue (St. Petersburg, 2008). See also: Z. Huiming, "Les collections de Turfan conservées au musée de l'Ermitage: origine et conservation", *Études de Dunhuang et Turfan*. Textes réunis par J.-P. Drège avec la collaboration d'O. Venture (Genève, 2007), pp. 367—410; idem, M. L. Rudova, N. G. Pčelin, "Invintaire des pièce de Turfan conservées au musée de l'Ermitage", *ibid.*, pp. 411—448.

11 *Ibid.*, p. 113.

12 There is also another significant ethnographic collection from Chinese Turkestan in St. Petersburg. It is preserved in the Russian Ethnographic Museum and it has to do with the names of A. V. Adrianov, M. M. Berezovskiy, D. A. Klemenets, S. F. Oldenburg, but first of all with the name of Samuil Martynovich Dudin (1863—1929). Dudin, a close colleague of V. V. Radloff, was sent to Chinese Turkestan in 1901 for the purpose of gathering ethnographic collections in the interests of the Ethnographic Department of Russian Museum (Russian Ethnographical Museum today). The collection (of 209 articles) that he brought from Kashghar is now described in great detail. See: S. V. Dmitriev, I. F. Popova, "Kashghar collection of S. M. Dudin in the Russian Ethnographic Museum", *Russian Expeditions to the Central Asia in the End of the 19th and Beginning of the 20th Centuries*, ed. by I. F. Popova (St. Petersburg, 2008), pp. 88—111. In the last years L. A. Chvyr works very productively in the field of ethnography study of the peoples of Chinese Turkestan. See: *Uyghurs of Eastern Turkestan and the Neighboring Nations* (Moscow, 1990); eadem, *Rituals and Beliefs of Uyghurs in 19th—20th Centuries* (Moscow, 2006).

13 The complete bibliography of A. M. Reshetov's works will be published in "The Collection of the MAE" in 2009: "Eastern Asia: Clothing, the History of Collections, Texts".

14 E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China* (Moscow, 1995).

15 On anthropological type and languages spoken by the ancient inhabitants of Tarim Basin see, for example: J. P. Mallory, V. H. Mair, *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West* (London, 2000).

16 Cf.: C. P. Scrine, L. Nightingale, *Macartney in Kashghar* (London, 1973) and N. F. Petrovsky, "A report on Kashgharia, 1885", *Geographical, Topographical and Statistics Materials on Asia* (St. Petersburg, 1886).

17 Обручев, *op. cit.*, p. 86.

18 А. Ахматова, *Tricks of the Trade* (1940).

19 Обручев, *op. cit.*, p. 57.

20 *Ibid.*, p. 84.

21 Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China*, p. 195.

22 "The letters of S. E. Malov to E. R. Tenishev", *Edham Rahimovich Tenishev. Life and Creative Work* (Moscow, 1995), p. 69.

23 "The report of the commission, appointed to discuss the issues of the advantageous placing of the library and the museums of the Academy open for the public". See: *Saint-Petersburg Branch of the Academic Archives*, f. 2, inv. 1—1882, file 14, fols. 41—41 ab.

24 L. Y. Sternberg, S. F. Oldenburg, B. F. Adler, E. L. Petri, Y. V. Ludswig, "The Museum of Anthropology and Ethnography of the Emperor's Academy of Sciences during the 12-year office of V. V. Radloff. 1894—1906", *To the 70th Anniversary of Vasilii Vasilievich Radloff, January 5th, 1907* (St. Petersburg, 1907), p. 35.

25 Ethnographical, Asian, Egyptian, Anatomical, Zoological, Botanical, Mineralogical museums and the Office of Peter the Great (Decree of "The charter and the staff of the

ления В. В. Радлова. 1894—1906», *Ко дню 70-летия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года* (Санкт-Петербург, 1907), с. 35.

25 Этнографический, Азиатский, Египетский, Анатомический, Зоологический, Ботанический, Минералогический музей и Кабинет Петра I (Указ «Устав и штат Императорской Санкт-Петербургской Академии наук» от 8 января 1836 г.) В 1879 г. два из них, а именно, Этнографический и Анатомический, были объединены в один общий Музей по антропологии и этнографии.

26 Е. Ю. Бастина, *Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX вв. Очерки истории* (Москва, 2008), с. 292.

27 Там же, сс. 32—33.

28 «Особой этнографической организацией при Академии» назвал Русский комитет Л. Я. Штернберг. Цит. по: Бастина, *ук. соч.*, с. 297. Подробнее см.: Е. Я. Люстерник, «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии», *Народы Азии и Африки* III (1975), с. 226. Подробнее о работе Русского комитета см.: Н. Н. Назирова, *Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении* (Москва, 1992).

29 Э. Р. Тенишев, «Памяти С. Е. Малова», *Эдгем Рахимович Тенишев*, с. 73.

30 «Мною вывезено и представляется Комитету 1) 100 фотографических негативов (типы, жилища и этнограф. группы уйгуров и саларов), 2) 59 №№ этнографической коллекции (уйгурская одежда, предметы по шаманству, одежда саларских женщин, музыкальные инструменты турков Китайского Туркестана, китайские вещи и проч., 3) археологическая коллекция: 25 глиняных пластинок Будд из кумирен Матисы близ Ганьджоу [Ганьчжоу], 3 куска фресок с уйгурскими письменами из кумирни Вунфыгу (на юг от Сучжоу в 30 ли), 4) 400 больших листов уйгурской письменности буддийского содержания (23×60 см); в том числе три датированных рукописи, а именно: 1) рукопись на пяти листах, 1688 г., 2) конец рукописи, только 54—58 стр.; писана в 41 году царствования Канн-си, т. е. в 1702 году и 3) большая рукопись, до 350 листов — “Алтун жарук” — “Золотое сияние”, писана в 1687—1688 г., см.: С. Е. Малов, «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам», *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии* III/1 (Санкт-Петербург, 1912), с. 99. См. также: В. С. Воробьев-Десятовский, «Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым», *Ученые записки Института востоковедения* (Ленинград, 1953), vi, сс. 167—175.

31 *Suvarnaprabhasa (Сутра Золотого блеска)*, текст уйгурской редакции, изд. В. В. Радлов, С. Е. Малов (Санкт-Петербург, 1913—1917), i—viii (*Bibliotheca Buddhica* xvii); см. также: *Suvarnaprabhasa (Das Goldglanz-Sutra)*, aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov hesg (Leningrad, 1930), i—iii (*Bibliotheca Buddhica* xxvii); С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности* (Москва — Ленинград, 1951). См. также: Э. Р. Тенишев, «В. В. Радлов — фонетист и грамматист», *Тюркологический сборник 1971* (Москва, 1972), сс. 32—41.

32 Э. Р. Тенишев, «Памяти С. Е. Малова», *Эдгем Рахимович Тенишев*, с. 74. См.: V. V. Radlow, *Uigurische Sprachdenkmaler* (Leningrad — Leipzig, 1928).

33 О жизни и научной деятельности С. Е. Малова см.: Э. Р. Тенишев, «С. Е. Малов — исследователь современных тюркских языков», *Тюркологический сборник 1975* (Москва, 1978), сс. 26—33 (там же приведена библиография его работ); он же, «Сергей Ефимович Малов. (К столетию со дня рождения)», *Советская тюркология* VI (Баку,

1980), сс. 56—63. Частичное описание коллекции С. Е. Малова, привезенной им из путешествия по Китайскому Туркестану и переданной им в МАЭ см: С. Е. Малов, «Шаманство у сартов Восточного Туркестана», *Сборник Музея антропологии и этнографии* VI/1 (Петроград, 1918), сс. 1—16.

34 См.: Э. Р. Тенишев, «Воспоминания желтых уйгуров о С. Е. Малове», *Известия АН Казахской ССР, сер. филологии и искусствоведения* I (14) (Алма-Ата, 1960), сс. 63—65.

35 С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров. Тексты, переводы* (Москва, 1967).

36 Цит. по: Ф. Поярков, В. Ладыгин, «Салары. Этнографический очерк», *Этнографическое обозрение* I (1893), с. 2.

37 Во втором томе трудов экспедиции помещены словарь саларского языка и легенды саларов (сс. 295—296) [Прим. В. А. Обручева].

38 Г. Н. Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральной Монголии* (Москва, 1950), сс. 194—195.

39 Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, сс. 1—43.

40 Тенишев привез и этнографическую коллекцию, которую передал в Государственный музей искусства народов Востока. См. ниже, В. А. Кореняко, «О коллекции Э. Р. Тенишева в Государственном музее Востока», сс. 404.

41 Э. Р. Тенишев, «Из наблюдений над саларским языком (О влиянии китайского языка на саларский)», *Вопросы языкознания* IV (1960), сс. 7—102; он же, *Саларский язык* (Москва, 1963); он же, *Саларские тексты* (Москва, 1964); он же, «Салары», *Народы мира. Этнографические очерки. Народы Восточной Азии* (Москва — Ленинград, 1966), сс. 641—645; он же, «Заметки о саларской лексике», *Филология и история тюркских народов. Тезисы докладов* (Ленинград, 1967), с. 38; он же, *Строй саларского языка. Автореферат докторской диссертации* (Москва, 1969); он же, «Место саларского и сарыг-югурского языков в системе тюркских языков», *Исследования по уйгурскому языку* II (Алма-Ата, 1970), сс. 49—53; он же, «Ареальные явления в саларском и сарыг-югурском языках», *Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы* (Алма-Ата, 1976), сс. 52—53; он же, «Отрывок из “Истории саларов” (XVII—XVIII вв.)», *Ural-Altäische Jahrbücher* XLVIII (Wiesbaden, 1976), SS. 237—248; он же, «Саларские числительные», *Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Nemeth* (Budapest, 1976), сс. 59—162; он же, *Строй саларского языка* (Москва, 1976).

42 Он же, «История тюркских письменных литературных языков донациональной поры», *Эдгем Рахимович Тенишев*, с. 78.

43 Подробнее об Э. Р. Тенишewe см. ниже, сс. 337—351.

44 Я искренне благодарен Е. Г. Царевой за подробные консультации по этой теме. По истории саларов см: В. В. Бартольд, «Очерк истории туркменского народа», *Сочинения* (Москва, 1963), ii; К. Боде, «О туркменских поколениях: Ямудах и Гокланах», *Записки Русского Географического общества* II (Санкт-Петербург, 1847); Г. П. Васильева, «Этнографические данные о происхождении туркменского народа», *Советская этнография* II (1963); Я. Р. Винников, *Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР* (Москва, 1969); М. Н. Галкин, *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю* (Санкт-Петербург, 1867); А. К. Джикиев, «История расселения туркмен-саларов в XVI — начале XX века», *Исследования по этнографии туркмен* (Ашхабад, 1965); Г. И. Карпов, *Племенной и родовой состав туркмен* (Полторацк, 1925), он же, «Родословная туркмен», *Туркменоведение* I (1929); он же,

Emperor’s Academy of St. Petersburg” of January 8th 1836). In 1879 two of them, namely Ethnographical and Anatomical, were joined into one Museum of Anthropology and Ethnography.

26 E. Y. Bastina, *The Emperor’s Academy on the Border of the 19th and 20th Centuries. The Historical Essays* (Moscow, 2008), p. 292.

27 *Ibid.*, pp. 32—33.

28 L. Y. Sternberg called the Russian Committee “a special ethnographic organization under the Academy”. Cited in Bastina’s *The Emperor’s Academy*, p. 297. For further information see E. Y. Lyusternik, “The Russian Committee for the study Middle and Eastern Asia”, *Peoples of Asia and Africa* III (1975), p. 226. On the work of the Russian Committee in general see N. N. Nazirova, *Central Asia in the Pre-Revolution Native Oriental Studies* (Moscow, 1992).

29 E. R. Tenishev, “In the memory of S. E. Malov”, *Edham Rahimovich Tenishev*, p. 73.

30 “I brought back and present to the Committee 1) 100 photographic negatives (types, living premises and ethnographic groups of Uyghurs and Salars), 2) 59 Nos of ethnographic collection (Uyghur clothing, shamanic items, the clothing of Salar women, musical instruments of the Turks of Chinese Turkestan, Chinese clothing, etc., 3) archaeological collection: 25 clay plates of Buddhas from the joss-house of Matisi near Ganzhou, 3 pieces of the frescoes with Uyghur inscriptions from the joss-house of Wongfengu (30 li to the south of Suzhou), 4) 400 large pages of Uyghur literature of Buddhist content (23 × 60 cm); including three manuscripts bearing a date: 1) a manuscript of five pages, 1688, 2) the end of a manuscript, only pages 54—58; written in the 41st year of the Kangxi rule, i. e. in 1702, and 3) a large manuscript, up to 350 pages — “Altun Jaruk” — “The Golden Light”, written in 1687—1688”. See: S. E. Malov, “The report of the journey to Uyghurs and Salars”, *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia* II/1 (St. Petersburg, 1912), p. 99. See also: V. S. Vorobyev-Desyatovskiy, “The collection of the Tibetan documents on the wood, gathered by S. E. Malov”, *Scientific Notes of the Institute of Oriental Studies* VI (1953), pp. 167—175.

31 *Suvarnaprabhasa (The Golden Light Sutra)*, the text of Uyghur editorship, published by V. V. Radloff and S. E. Malov (St. Petersburg, 1913—1917), i—viii (*Bibliotheca Buddhica*, xvii); See also: *Suvarnaprabhasa (Das Goldglanz-Sutra)*, aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov hesg (Leningrad, 1930), i—iii (*Bibliotheca Buddhica* xxvii); S. E. Malov, *The Monuments of Ancient Turkic Literature* (Moscow — Leningrad, 1951). See also: E. R. Tenishev, “V. V. Radloff — phonetician and grammarian”, *Turkologic Collection 1971* (Moscow, 1972), pp. 32—41.

32 E. R. Tenishev, “In the memory of S. E. Malov”, *Edham Rahimovich Tenishev*, p. 74. See V. V. Radlow, *Uigurische Sprachdenkmaler* (Leningrad — Leipzig), 1928.

33 In regards to the life and scientific efforts of S. E. Malov see: E. R. Tenishev, “S. E. Malov — the explorer of the modern Turkic languages”, *Turkologic Collection 1975* (Moscow, 1975), pp. 26—33 (also see this article for Malov’s bibliography); idem, “Sergey Efimovich Malov. (The Malov centenary)”, *Soviet Turkology* VI (1980), pp. 56—63. For partial description of the collection that Malov brought from his journey to Chinese Turkestan and passed to the MAE see: S. E. Malov, “Shamanism with Sarts of Eastern Turkestan”, *The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography* VI/1 (Petrograd, 1918), pp. 1—16.

34 See: E. R. Tenishev, “The Yellow Uyghurs’ memories of S. E. Malov”, *Proceedings of the Academy of Sciences of Kazakh SSR, a Series of philology and the Study of Arts* I (14) (Alma-Ata, 1960), pp. 63—65.

35 S. E. Malov, *The Language of the Yellow Uyghurs. Texts and Translations* (Moscow, 1967).

36 Cited in: F. Poyarkov, V. Ladygin, “Salars. An ethnographic essay”, *Ethnographic Review* I (Moscow, 1893), p. 2.

37 The second volume of the expedition works has the vocabulary of the Salar language and the legends of the Salars (pp. 295—296) [Comment of V. A. Obruchev].

38 G. N. Potanin, *The Tangut-Tibetan Suburbs of China and Central Mongolia* (St. Petersburg, 1893), pp. 194—195.

39 F. Poyarkov, V. Ladygin, *op. cit.*, pp. 1—43.

40 Tenishev also brought an ethnographic collection, which he passed on to the State Museum of Oriental Art. See below, V. A. Korenyako, “On the collection of E. R. Tenishev in State Museum of Oriental Art”, see p. 406.

41 E. R. Tenishev, “From observations of Salar language (of the Chinese language’s influence on Salar language)”, *Issues of Linguistics* IV (1960), pp. 97—102; idem, *Salar Language* (Moscow, 1963), p. 55; idem, *Salar Texts* (Moscow, 1964); idem, “The Salars”, *Peoples of the World. Ethnographic Essays. People of Eastern Asia* (Moscow — Leningrad, 1965), pp. 641—645; idem, “Notes on Salar vocabulary”, *Philology and History of Turkish Peoples. Abstracts* (Leningrad, 1967); idem, *The System of Salar Language*. Abstract of the doctoral thesis (Moscow, 1969); idem, “The place of Salar and Sarigh-Uyghur languages in the System of Turkic languages”, *Explorations of Uyghur Language* II (Alma-Ata, 1970), pp. 49—53; idem, “Areal phenomena in Salar and Sarigh-Uyghur languages”, *All-Union Turcologic Conference. Abstracts* (Alma-Ata, 1976), pp. 52—53; idem, “A fragment from ‘The History of Salars’ (17th—18th centuries)”, *Ural-Altäische Jahrbücher* XLVIII (Wiesbaden, 1976), S. 237—248; idem, “The Salar numerals”, *Hungaro-Turcica. Studies in Honour of J. Nemeth* (Budapest, 1976), pp. 159—162; idem, *The System of Salar Language* (Moscow, 1976).

42 E. R. Tenishev, “The history of Turkic written literary languages in the pre-national times”, *Edham Rahimovich Tenishev*, p. 78.

43 For further information on E. R. Tenishev see below, pp. 337—351.

44 I am greatly indebted Elena Tsareva for her detailed consultations on the topic. On Salor history see: V. V. Barthold, “Studies in Turkoman History”, *Collected Works* (Moscow, 1963), ii; C. A. de Bode, “On Turkoman generations: Yamuds and Goklans”, *Transactions of the Russian Geographical Society* II (St. Petersburg, 1847); G. P. Vasilyeva, “Ethnographical data on the origin of the Turkoman”, *Soviet Ethnography* II (1963); R. Ya. Vinnikov, *The Economy, Culture and Way of Life of the Country Population of the TSSR* (Moscow, 1969); M. N. Galkin, *The Ethnographical and Historical Materials on the History of Central Asia and Orenburg Kray* (St. Petersburg, 1867); A. Dzhikiyev, “On the history of the settling of the Turkoman Salors from the 16th — beginning of the 20th centuries”, *Studies in Turkoman Ethnography* (Ashkhabad, 1965); G. I. Karpov, *The Tribal and Clan System of the Turkoman* (Poltoratsk, 1925); idem, “Genealogy of the Turkoman”, *Turkoman Studies* I (1929); idem, P. V. Agabekov, “The Salyr (Salor)”, *ibid.* VI—VII (1930); A. N. Kononov, *Turkoman Genealogy, The Composition of Abu I-Ghazi Khan Khivinskiy* (Moscow — Leningrad, 1958); *Materials on the History of the Turkoman and Turkmenia* (Moscow — Leningrad, 1938—1939), i—ii; F. A. Mikhaylov, *The Natives of the Trans-Caspian Oblast and Their Life* (Ashkhabad, 1900); N. G. Petrusevitch, “Turkomans between the Old Bed of the Amu Darya (Uzboy) and the Northern Borders of Persia”, *The Transactions of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society* XI/1 (Tiflis, 1880); P. M. Lessar, “South Western Turkmenia (Lands of the Saryks and Salors)”, *Proceedings of the Imperial Rus-*

П. В. Агабеков, «Салыры (Салоры)», *там же* VI—VII (1930); А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского* (Москва — Ленинград, 1958); *Материалы по истории туркмен и Туркмении* (Москва — Ленинград, 1938—1939), i—ii; Ф. А. Михайлов, *Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк* (Ашхабад, 1900); Н. Г. Петрусевич, «Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбо-ем) и северными окраинами Персии», *Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества* XI/1 (Тифлис, 1880); П. М. Лессар, «Юго-западная Туркмения (земли сарыков и салоров)», *Известия Императорского Русского Географического общества* XXI/1, (Санкт-Петербург, 1885); он же, «Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах», *там же* XX/1 (Санкт-Петербург, 1884); Б. Р. Логашева, *Туркмены Ирана* (Москва, 1976); К. Овезов, Н. Гаджаров, «Туркмены Ирака», *Туркмены зарубежного Востока* (Ашхабад, 1993); А. А. Росляков, *Происхождение туркменского народа* (Ашхабад, 1962). Подробнее см.: Г. П. Васильева, *История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII—XX века. Очерки* (Москва, 2003).

45 Гузы приняли участие в завоеваниях сельджуков, а позднее и в африканских походах Салах ад-Дина (Саладина), некоторые затем поступили на службу к Алмохадам, владевшим Северной Африкой и Южной Испанией и заняли в их государстве высокое положение. См.: 'Abd al-Wahid al-Marrakoshi, *The History of Almohades*, ed. by R. Dozy (Leiden, 1847); В. В. Бартольд, *ук. соч.*, с. 580.

46 Салорский и чоудорский союзы с их четко выраженной общетуркменской и одновременно групповой и племенной спецификой сохраняли свою значимость вплоть до XVI в. См.: Е. Г. Царева, *Традиционное ворсовое ткачество туркмен как этнографический источник*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Санкт-Петербург, 1993), с. 1.

47 См. G. B. Frazer, *Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822* (Oxford, 1825), pp. 245—258.

48 И сегодня у салыров, живущих в Туркменистане, зафиксирован род караман.

49 Подробнее о легенде см. ниже, сс. 224—251. См. также: Li Xue Wei, K. Stuart, "The Xunhua Sala", *Asian Folklore Studies* XL (1990), pp. 39—52; Ma Jianzhong, K. Stuart, "Stone camels and clear springs' the Salar's Samarkand origins", *ibid.* LV (1996), pp. 287—298.

50 Не так давно 867 листов рукописи, уложенной в две шкатулки, прошли полную реставрацию в музее города Нанкин. Был проведен анализ бумаги и чернил, уничтоже- на плесень, восстановлены поврежденные страницы.

51 Т. е. «Большой Лангар». *Лангар* — якорь (этимологически — «крюк»), остановка. Обычно название последнего пристанища (могиль) святого. Расположены все *лангары*, как правило, в самых верховьях речных долин и ущелий по горам Средней Азии, Афганистана, Ирана (см.: А. З. Розенфельд, «Название "Лангар" в топонимике Таджикистана», *Известия Всесоюзного географического общества* LXXII/6 (1940), сс. 861—864).

52 *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии* LVII (Санкт-Петербург, 1894), с. 111.

53 М. Е. Массон, «Катта-Лангар в области средневекового Кеша», *Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии* VII (Ташкент, 1966), с. 73.

54 Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, с. 10.

55 Подробнее см.: Е. А. Резван, «Мусульманские реликвии в истории кашкадарь-инских арабов», в кн.: И. Н. Винников, *Кашкадарьинские арабы (язык, фольклор, этнография)* (Санкт-Петербург, в печати).

56 А. А. Семенов, «Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр», *Труды Академии наук Таджикской ССР* XII/1 (1954), с. 142.

57 С. Л. Волин, «К истории среднеазиатских арабов», *Труды второй сессии Ассоциации арабистов* (Москва — Ленинград, 1941), сс. 117—126.

58 Подробнее см.: Е. А. Резван, «*Коран Усмана*» (*Санкт-Петербург, Катта-Лангар, Бухара, Ташкент*) (Санкт-Петербург, 2004), сс. 17—59.

59 Царева, *ук. соч.*; Е. Tsareva, "Salor carpets", *Hali. The International Journal for Oriental Carpets and Textiles* VI/2 (1984), pp. 126—135.

60 Письмо автору от 09.12.09

61 Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, с. 10.

62 Подробнее см.: Ma Wei, Ma Jianzhong, K. Stuart, "The Xunhua Salar wedding", *Asian Folklore Studies* LVIII (1999), pp. 31—76.

63 Салафиййа (от арабского глагола *салафа* — «быть раньше») — направление в исламе, последователи которого позиционирует себя в качестве проповедников «понимания ислама в том виде, в котором его понимал пророк». Часто используется как синоним термина «ваххабизм», при этом «салафиййа» обозначает идеологическое направление в целом, а «ваххабизм» — одну из его исторических реализаций (ср.: марксизм — большевизм).

64 Ваисовское движение зародилось в Поволжье в 1862 г. благодаря деятельнос- ти Багаутдина Ваисова (1819—1893), считавшего себя «старовером мусульманином» из «сословия турки» и мечтавшего построить «Царство справедливости», общество, где нет ни богатых, ни бедных. По мнению Б. Ваисова для достижения этой цели нужно следовать опыту мусульман первых веков.

65 См. также: Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, сс. 13, 17.

66 Подробнее см.: S. Murata, *Chinese Gleams of Sufi Light: Wang Tai-yu's Great Learning of the Pure and Real and Liu Chih's Displaying the Concealment of the Real Realm* (New York, 2000), p. 25. См. также: idem, *The Sage Learning of Liu Zhi: Islamic Thought in Confucian Terms* (Harvard, 2009) и О. Палладий (Кафаров), *Китайская литература магометан: изложение содержания магометанского сочинения на китайском языке, под заглавием Юй Лань Чжи Шен Ши Лу* (Москва, 2001).

67 Потанин, *ук. соч.*, с. 419—437.

68 «Дерево десяти тысяч образов», на каждом из листьев которого имелись «хорошо оформленные изображения тибетских букв» было в 1846 г описано аббатом Хуком, католическим проповедником, пробиравшимся в Лхасу, и с тех пор стало знаменитым в Европе. Известности ему много добавила Е. П. Блаватская (см.: «Священное дерево Кумбум», *Теософист* (1883)). Г. Н. Потанин, отмечает, что «листья этого дерева женщины употребляют, когда не выходит послед» (Потанин, *ук. соч.*, с. 422).

69 *Там же*, сс. 420—425.

70 П. К. Козлов, *Тибет и Делай-лама* (Петроград, 1920), сс. 70—78.

sian Geographical Society XXI/1 (St. Petersburg, 1885); idem, "Some notes on the Transcas- pian lands and the contiguous countries", *ibid.* XX/1 (St. Petersburg, 1884); B. R. Logasheva, *The Turkoman of Iran* (Moscow, 1976); K. Ovezov, N. Gadjarov, "The Turkoman of Iraq", *The Turkoman of the Foreign East* (Ashkhabad, 1993); S. S. Roslyakov, *The Origin of the Turkoman People* (Ashkhabad, 1962). For details see also: G. P. Vasilieva, *History of the Ethnological Studies of Turkoman in the Russian Scholarship. End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries. Essays* (Moscow, 2003).

45 The Ghuzz participated in the conquest of the Seljuqs, and later also in the African campaigns of Salah al-Din (Saladin); some of them enlisted in the service of the Almohads, who ruled over the Northern Africa and Southern Spain at the moment, and they held high positions in the state. See: 'Abd al-Wahid al-Marrakoshi, *The History of Almohades*, ed. by R. Dozy (Leiden, 1847); V. V. Barthold, *op. cit.*, p. 580.

46 The Salor and Choudur unions with their well-defined all-Turkmen specifics togeth- er with the group and tribal features retained their significance right up to the 16th century. See E. G. Tsareva, *Traditional Fleecy Weaving of the Turkmens*. Thesis for an academic degree of the candidate of historical science (St. Petersburg, 1993), p. 1.

47 See: G. B. Frazer, *Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822* (Ox- ford, 1825), pp. 245—258.

48 Which even today is the case among the Salyrs living in Turkmenistan, in fact there was recorded the Qaraman family among them.

49 For further information on the legend see below, pp. 224—251. See also: Li Xue Wei, K. Stuart, "The Xunhua Sala", *Asian Folklore Studies* XL (1990), pp. 39—52; Ma Jianzhong, K. Stuart, "Stone camels and clear springs' the Salar's Samarkand origins", *ibid.* LV (1996), pp. 287—298.

50 Recently 867 MS folios kept in two wooden boxes were fully restored in the museum of Nankin. During the restoration the folio losses were filled in, mold areas were cleaned, the analysis of paper and ink was done.

51 "Big Langar". A *langar* is, literally, an anchor (etymologically — "crook"), place of stay. It is widely spread as a name of the final retreat of a saint. *Langars* are located at the very source of the river valleys and passes in the mountains of Central Asia, Afghanistan, Iran (see: A. Z. Rozenfeld, "Name 'langar' in the Tajikistan toponymy", *Procuding of the All-Union Geographical Society* LXXII/6 (1940), pp. 861—864).

52 *Geographical, Topographical and Statistics Materials on Asia* (St. Petersburg, 1894), p. 111.

53 M. E. Masson, "Katta Langar in the region of medieval Kash", *Works of the V. I. Lenin Tashkent State University. Archaeology of Central Asia* VII (Tashkent, 1966), p. 73.

54 F. Poyarkov, V. Ladygin, *op. cit.*, p. 10.

55 For details see; E. A. Rezvan, "Muslim relics in the history of Kashka Darya Arabs", in: I. N. Vinnikov, *Kashka Darya Arabs (Language, Folklore, Ethnography)* (St. Petersburg, in print).

56 A. A. Semyonov, "The first Sheybanids and the struggle for Maverannahr", *Works of the Tajik SSR Academy of Sciences* XII/1 (1954), p. 142.

57 S. L. Volin, "On the history of the Central Asian Arabs", *Works of the Second Session of the Arabists Association* (Moscow — Leningrad, 1941), pp. 117—126.

58 For details see: E. A. Rezvan, "*The Qur'an of 'Uthman*" (*St. Petersburg, Bukhara, Katta-Langar, Tashkent*) (St. Petersburg, 2004), pp. 17—59.

59 E. G. Tsareva, *Traditional Fleecy Weaving of the Turkmens*; eadem, "Salor carpets", *Hali. The International Journal for Oriental Carpets and Textiles* VI/2 (1984), pp. 126—135.

60 The letter to the author of 09.12.09

61 F. Poyarkov, V. Ladygin, *op. cit.*, p. 10.

62 For details see: Ma Wei, Ma Jianzhong, K. Stuart, "The Xunhua Salar wedding", *Asian Folklore Studies* LVIII (1999), pp. 31—76.

63 Salafi (from Arabic verb *salafa* — "to precede") is a movement in Islam, followers of which position themselves as preachers of "the understanding of Islam the way the Prophet understood it". It is often used as synonym for "Wahhabism". The term "Salafi" in this case refers to ideological trend, whereas "Wahhabism" represents one of its historical realiza- tions (*cf.* Marxism and Bolshevism).

64 The movement of Vaisov's followers was born in Volga region in 1862 thanks to ac- tivity of Bagautdin Vaisov (1819—1893), who considered himself to be an "old Muslim be- liever" from "Turkic estate". And he dreamed to build a "Kingdom of Justice", a society where there would be nor rich, nor poor. According to B. Vaisov's opinion the experience of first centuries Muslims needs to be followed.

65 See also F. Poyarkov, V. Ladygin, *op. cit.*, pp. 13, 17.

66 For details see: S. Murata, *Chinese Gleams of Sufi Light: Wang Tai-yu's Great Learning of the Pure and Real and Liu Chih's Displaying the Concealment of the Real Realm* (New York, 2000), p. 25; idem, *The Sage Learning of Liu Zhi: Islamic Thought in Confucian Terms* (Harvard, 2009) and Father Palladiy (Kafarov), *The Chinese Mohammedan Literature: Exposition of the Content of Mohammedan Treatise in Chinese entitled Yu Lan-zhi, Sheng Shi-lu* (Moscow, 2001).

67 G. N. Potanin, *op. cit.*, pp. 419—437.

68 "The tree of ten thousand images" with each of its leafs having "a well-executed inscriptions of Tibetan letters" was described in 1894 by Abbot Huc, a Catholic preacher who was making his way to Lhasa, and since then the tree earned itself a name in Europe. E. P. Blavatskaya added a great deal to its fame (see: "The sacred tree of Kumbum", *Theoso- phist* (1883)). G. N. Potanin notes that "women take the leafs of this tree when placenta does not come out" (*op. cit.*, p. 422).

69 *Ibid.*, pp. 420—425.

70 P. K. Kozlov, *Tibet and Dalai-Lama* (Petrograd, 1920), pp. 70—78.

Иллюстрации

Рис. 1. Пустыня Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 2. Памятник Н. М. Пржевальскому в Александровском саду Санкт-Петербурга (А. А. Бильдерлинг, И. Н. Шредер, Р. И. Рунеберг, 1892 г.)

Рис. 3. Йакуб-бек, мусульманский правитель Кашгарии в 1870-х гг. Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см. 1894 г. Фотограф Ф. Ордер. МАЭ РАН, coll. № 255–91.

Рис. 4. Фрагмент карты из книги Н. М. Пржевальского *От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор* (Санкт-Петербург, 1870).

Рис. 5. Консульская расписка о получении и пересылке в Музей экспедиционных коллекций, собранных С. Е. Маловым. МАЭ РАН, коллекционная опись № 1875 (сопутствующие документы).

Рис. 6. Встреча Маннергейма с Курманжан-датки, «царицей Алая», во время его кашгарской экспедиции. Фотография из: А. А. Колесников, *ук. соч.*, с. 24 (источник не указан).

Рис. 7. Встреча русской и английской экспедиций. Фотография из книги: А. А. Колесников, *Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.) Миссии, экспедиции, путешествия* (Бишкек, 2006), с. 31 (источник не указан).

Рис. 8. Выезд С. Ф. Ольденбурга в Турфан. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, coll. № 2114–219.

Рис. 9. Участники экспедиции в пустыне Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 10—11. Русский язык в Урумчи. Фотограф А. А. Сотниченко (2009).

Рис. 12. Уйгурские дети, Кашгар. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 13. Участники экспедиции в фондах Института археологии Академии общественных наук Синьцзяна. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 14. Участники экспедиции в Цинхайском университете национальностей г. Синин. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 15. Пятничная молитва в мечети Ид Ках в Кашгаре. Фотография из: А. А. Колесников, *ук. соч.*, с. 15 (источник не указан).

Рис. 16. В мечети Ид Ках в Кашгаре. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Д. С. Шнеерсон.

Рис. 17. Мемориальная доска на старом здании российского консульства в Кашгаре. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 18—19. Мечеть и минарет Эмин в Турфане: вид на закате и интерьер. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова и Д. С. Шнеерсон.

Рис. 20. На городище Цзяохэ. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Д. С. Шнеерсон.

Рис. 21. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — организатор серии выдающихся экспедиционных проектов. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 22. Академик В. В. Радлов, директор МАЭ и один из крупнейших тюркологов мира.

Рис. 23. Чл.-корр. АН СССР С. Е. Малов, ученик и научный последователь В. В. Радлова.

Рис. 24—28. Эдхям Тенишев, молодой ученик Малова во время научной экспедиции в Китайский Туркестан (1956—1958 гг.) Фотоотпечатки, 5,5 × 7,5 см. 1957 г. МАЭ РАН coll. № ВХ ЭФЗК–94/39, 60, 66, 70.

Рис. 29. Котел, оставленный С. Е. Маловым во время его экспедиции в Китайский Туркестан. Фотоотпечаток, 5,5 × 7,5 см. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН coll. № ВХ ЭФЗК–94/4.

Рис. 30—32. В стране саларов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 33—34. Отуз Коран. Осмотр главной реликвии саларов экспедицией МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 35. Белый верблюжонок. Пустыня Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 36. Арка при входе на площадь перед мечетью в г. Нагу (Нагучжэнь). Провинция Юньнань, КНР, 2009 г. Фотограф Е. А. Резван.

Рис. 37. За стенами мавзолея Карамана, святого предка саларов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 38—40. Мечеть на улице Буйволов (Пекин) — одна из старейших в Китае (по преданию основана в 966 г.): вид на минарет (XI в., перестроен в XV в.), мужской и женский (1922 г.) молебельные залы. 2010 г. Фотограф Е. А. Резван.

Рис. 41. Крыши монастыря Кумбум и А-Ка, один из его монахов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 42—45. Монастырь Кумбум; один из его храмов; дом, в котором проживал Далай-Лама; часовые-тибетцы у входа во двор Далай-Ламы. Фотографии из книги П. К. Козлова, *Тибет и Делай-лама* (Петроград, 1920).

Рис. 46. А-Ка, монах монастыря Кумбум (Таэрсы). Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 47. Образ Центральной Азии на фотографии Ф. Ордера. Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см. 1894 г. МАЭ РАН, coll. № 255–258.

Illustrations

Fig. 1. Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 2. Monument to Nikolay Przhevsky in Saint-Petersburg Alexander garden (by A. A. Bilderling, I. N. Sreder, R. I. Runeberg, 1892).

Fig. 3. Yaqub Beg, Muslim ruler of Kashgharia in 1870ies. A photograph, 13.0 × 18.0 cm. 1894. Photo by F. Order. The MAE RAS, coll. No. 255–91.

Fig. 4. Map fragment from Nikolay Przhevsky book *From Quldja to Tian Shan and Aurther to Lob-Nor* (St. Petersburg, 1870).

Fig. 5. Consular receipt given to Sergey Malov as confirmation of receiving and forwarding to the museum of his expedition collections. MAE RAS, collection inventory No. 1875 (attendant documents).

Fig. 6. Mannerheim meeting with Kurmanjan-datki, the “Queen of Alay” during his trip in Kashgharia. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *op. cit.*, p. 24 (the source is not indicated).

Fig. 7. Meeting of the Russian and British expeditions. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *Russians in Kashgharia (the Second Half of the 19th — the Early 20th Centuries) Missions, Expeditions, Journeys* (Bishkek, 2006), p. 31 (the source is not indicated).

Fig. 8. The entrance of S. F. Oldenburg to Turfan. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–141a.

Fig. 9. Expedition participants in Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 10—11. Russian language in Urumqi. Photos by A. A. Sotnichenko (2009).

Fig. 12. Uighur children, Kashgar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 13. Expedition participants in the repository of the Institute of Archaeology, Xinjiang Academy of Social Science. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 14. Expedition participants in Qinghai University of Nationalities in Xinin. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 15. Friday prayer in Id Gah mosque in Kashghar. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *op. cit.*, p. 15 (the source is not indicated).

Fig. 16. Interior of Id Gah mosque in Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by D. S. Shneerson.

Fig. 17. Commemorative plaque on the old building of Russian consulate in Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 18—19. Amin mosque and minaret in Turfan: sunset view and interior. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova and D. S. Shneerson.

Fig. 20. The ruins of ancient city of Jiaohe. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by D. S. Shneerson.

Fig. 21. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, the place where series of outstanding expedition projects were organized. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 22. Kunstkamera Director Academician Vasily Radloff, one of the most prominent Turkologist in the world.

Fig. 23. Sergey Malov, correspondent member the Soviet Academy of Sciences, a faithful student and scientific follower of Radloff.

Figs. 24—28. Edham Tenishev, a young student of Malov, in his scholarly trip to Chinese Turkestan (1956—1958). Photographs, 5.5 × 7.5 cm. 1957. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/39, 60, 66, 70.

Fig. 29. The cauldron left by Sergey Malov during his expedition to Chinese Turkestan. A photograph, 5.5 × 7.5 cm. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/4.

Figs. 30—32. On the land of Salars. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 33—34. Otuz Qur’an. Most important relic of Salars studied by the members of MAE RAS expedition, 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 35. White young camel. Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 36. The archway to the square in front of the city mosque in Nagu (Naguzhen). Yunnan province, China, 2009. Photo by E. A. Rezvan.

Fig. 37. Behind the walls of Qaraman tomb, the sacred ancestor of the Salars. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 38—40. Ox Street Mosque (Beijing) — one of the oldest in China (according to legend founded in 966): view to the minaret (built in the 11th century, re-built in 15th century), male and female (1922) prayer halls. 2010. Photos by E. A. Rezvan.

Fig. 41. Roofs of Kumbum monastery and A-Ka, one of its monks. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 42—45. The Kumbum Monastery; one of its temples, the house where Dalai-lama stayed; Tibetan guards in front of the yard of Dalai-Lama house. Photographs from the book of P. K. Kozlov, *Tibet and Dalai Lama* (Petrograd, 1920).

Fig. 46. A-Ka, monk of the Kumbum monastery. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 47. The image of Central Asia as presented on the photograph by F. Order, A photograph, 13.0 × 18.0 cm. 1894. The MAE RAS, coll. No. 255–258.